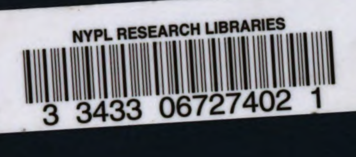
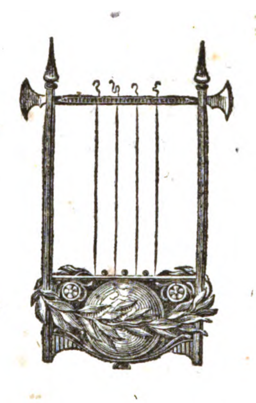

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06727402 1

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ПОЛЕЖАЕВА.

Honny soit qui mal y pense.

Montaigne.

МОСКВА.

Въ Типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ.
1832.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, 1832 года, Генваря 12 дня.

Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.

ДРУГУ МОЕМУ

А. П. Л.

Безцѣнный другъ счастливыхъ дней,
Вина святаго упованья
Души измученной моей
Подъ игомъ грусти и страданья, —
Мой вѣрный другъ, мой нѣжной братъ,
По силѣ тайнаго влеченья,
Кого со мной не разлучатъ
Временъ и мѣстъ сопротивленья,
Кто для меня и былъ и есть
Одинъ и все, кому до гроба
Не очернятъ меня ни лесть,
Ни зависть черная, ни злоба,

Кто овладѣлъ, какъ чародѣй,
Моимъ умомъ, моею думой,
Кѣмъ снова ожилъ для людей
Страдалецъ мрачный и угрюмой, —
Безцѣнный другъ, прими плоды
Моихъ задумчивыхъ мечтаній,
Минутной рѣзвости слѣды
И цѣпь печальныхъ вспоминаній!
Ты не найдешь въ моихъ стихахъ
Волшебныхъ звуковъ пѣснопѣнья:
Они родятся на устахъ
Пѣвцовъ любви и наслажденья.....

Уже давно чуждаюсь я
Ихъ благодатнаго привѣта,
Давно въ стихіи шумной свѣта
Не вижу радостнаго дня....
Пою разсѣянный, унылой
Въ степяхъ далекой стороны,
И пробуждаю надъ могилой
Давно утраченные сны....
Одну тоску о невозвратномъ,
Гонимый лютою судьбой,
Въ движеньи грустномъ и пріятномъ,
Я изливаю предъ тобой!

Но ты, понявши тайну друга,
Оцѣнишь сердце выше словъ,
И не смѣнишь моихъ стиховъ
Съ стихами рѣзвыми досуга
Другихъ счастливѣйшихъ пѣвцовъ.

Крѣпость Грозная.

7 Февраля 1832 г.

ОСКАРЪ АЛЬВСКІЙ,

ПОЭМА

ЛОРДА БАЙРОНА.

ОСКАРЪ и МОРА.

I.

Луна плыветъ на небесахъ;
Сребрится берегъ Лоры;
Въ туманныхъ дикихъ красотахъ
Вдали чернѣютъ горы.
Умолкло всё,—окрестность спитъ,
Промчалось время боевъ:
Въ чертогахъ Альвы не гремитъ
Оружіе Героевъ.

II.

Какъ часто звѣздные лучи
Изъ тучь, въ часы ночные,
Сребрили копья и мечи
И панцыри стальные,
Когда, презрѣвши тишину,
Пылая духомъ мести,
Летѣлъ сынъ Альвы на войну—
Искать трофеевъ чести!

III.

Какъ часто въ бездны этихъ скалъ,
Вѣками освященныхъ,
Воитель мощный увлекалъ
Героевъ побѣжденныхъ!
Быстрѣе сыпало тогда
Свой блескъ свѣтило ночи,
И муки смерти навсегда
Смѣжали храбрыхъ очи.

IV.

Въ послѣдній разъ на милый свѣтъ
Изъ тьмы они взирали,
Въ послѣдній разъ лунѣ привѣтъ
Изобразить желали.
Они любили—имъ луна
Бывала утѣшеньемъ;
Они погибли—имъ она—
Отрадой и мученьемъ.

V.

Изчезла слава прежнихъ лѣтъ,—
И сильные владыки,
И замокъ Альва,—храмъ побѣдъ—
Добыча павилики.

Въ забвеньи сладостныхъ пѣвцовъ
И воиновъ чертоги;
И бродятъ лани вкругъ зубцовъ
И серны быстроноги.

VI.

Въ тяжелыхъ шлемахъ и щитахъ
Героевъ знаменитыхъ,
Въ пыли висящихъ на стѣнахъ,
И лаврами обвитыхъ,
Гнѣздится дикая сова
И вѣтръ пустынный свищетъ;
На полѣ битвъ ростетъ трава
И вепрь свирѣпый рыщетъ.

VII.

О древній Альва—миръ тебѣ,
Ничтожности свидѣтель!
Со славой отдалъ долгъ судьбѣ —
Послѣдній твой владѣтель.
Погасъ его могущій родъ!
Нѣтъ ужаса народовъ!
И звукъ мечей не потрясетъ
Твоихъ желѣзныхъ сводовъ.

VIII.

Когда зажгутся небеса,
Разстелются туманы,
И громъ, и вихри, и гроза
Взбунтуютъ океаны, —
Какой-то голосъ роковой,
Какъ бури завыванье,
Иль голосъ тѣни гробовой,
Твое колеблетъ зданье.

IX.

Оскаръ! вотъ твой мѣдяный щитъ,
Воюющій съ громами,
Носясь по воздуху, звучитъ
Надъ Альвскими стѣнами!
Вотъ твой колеблется шеломъ,
На тѣни раздраженной,
Какъ черной нощію, крыломъ
Орлинымъ осѣненной.

X.

Ходили чаши по рукамъ
Въ рожденіе Оскара;

Взвивался пламень къ облакамъ
Веселаго пожара (*):
Владыка Альвы ликовалъ
Въ кругу своихъ Героевъ,
И Бардъ избранный воспѣвалъ
И громъ и вихри боевъ.

XI.

Ловецъ пернатою стрѣлой
Разилъ въ стремнинахъ ланей, —
И рогъ отрадной боевой
Сзывалъ питомцевъ браней.
Призывный рогъ плѣнялъ ихъ слухъ,
И арфы золотыя
Восторгомъ зажигали духъ,
Какъ дѣвы молодыя.

XII.

»О будь невинное дитя, —
Пророчилъ старый воинъ, —
»Могущь, безтрепетенъ, какъ я,
»Будь Ангуса достоинъ! —

(*) Бритты имѣли обыкновеніе зажигать дубы въ дни празднествъ.—

»Да будутъ дѣвы прославлять.
»Копье и мечь Оскара;
»Да будетъ злобный трепетать
»Оскарова удара!«

XIII.

Проходитъ годъ—и снова пиръ:
У Ангуса два сына
И веселъ онъ при звукѣ лиръ,
И радостна дружина.
Копье ли учатъ ихъ метать, —
Их дикій вепрь трепещетъ;
Стрѣлу ли мѣткую пускать, —
Никто вѣрнѣй не мещетъ.

XIV.

Еще младенцы по лѣтамъ —
Они въ рядахъ героевъ,
По грознымъ, пагубнымъ мечамъ,
Ихъ знаютъ въ вихрѣ боевъ.
Кто первый грянулъ на враговъ?
Чьихъ странъ Герои эти? —
То цвѣтъ Морвеновыхъ сыновъ,
То Ангусовы дѣти. —

XV.

Чернѣе вранова крыла,
Съ небрежной красотою,
Вокругъ Оскарова чела
Власы вились волною; —
Ихъ вѣтръ вздымалъ на раменахъ
Угрюмаго Аллана.
Оскаръ былъ мѣсяцъ въ облакахъ;
Алланъ, какъ тѣнь тумана.

XVI.

Оскаръ съ безтрепетной душой
Чуждался зла и лести;
Всегда волнуемый тоской
Алланъ былъ склоненъ къ мести.
Оскаръ, какъ искренность, не зналъ
Притворства искусства;
Алланъ въ душѣ своей скрывалъ
Завистливыя чувства.

XVII.

Съ блестящей утренней звѣздой
Въ лазури небосклона
Равнялась гордой красотой
Царица Сутгантона.

И не одинъ герой искалъ
    Супругомъ быть прекрасной,
И къ дѣвѣ милой запылалъ
    Оскаръ любовью страстной.

XVIII.

Кеннетъ и царственный вѣнецъ
    Приданымъ къ сочетанью,
И въ думѣ радостной, отецъ
    Внималъ его желанью;
Ему прiятенъ былъ союзъ
    Съ колѣномъ Гленнальвона:
Онъ мнилъ посредствомъ брачныхъ узъ
    Соединить два трона.

XIX.

Я слышу рокоты роговъ
    И свадебные клики;
И сонмы старцевъ и пѣвцовъ
    Ликуютъ вкругъ владыки.
Летаютъ персты по струнамъ,
    Пылаетъ дубъ столѣтній,
И ходитъ быстро по рукамъ
    Стаканъ отцевъ завѣтный.

XX.

Въ одеждахъ пышныхъ и цвѣтныхъ
    Герои собралися,
И въ Альвѣ пѣсни дѣвъ младыхъ,
    И цитры раздалися.
Кипитъ въ сердцахъ восторгъ живой:
    Всѣ пьютъ веселья сладость —
И Мора въ ткани золотой
    Таитъ невольно радость.

XXI.

Но гдѣ Оскаръ? Ужь меркнетъ день;
    Клубятся въ небѣ тучи;
Покрыла лѣсъ и горы тѣнь:
    Приди ловецъ могучій!
Луна ліетъ дрожащій свѣтъ
    Изъ облака тумана;
Невѣста ждетъ—и нѣтъ ихъ, нѣтъ
    Оскара и Аллана.

XXII.

Пришелъ Алланъ, съ невѣстой сѣлъ
    И въ думу погрузился.
И вотъ отецъ его узрѣлъ:
    »Куда Оскаръ сокрылся?

»Гдѣ были вы во тьмѣ ночной?«
—Гоняя лютыхъ вепрей,
Давно разстался онъ со мной,
Въ кустахъ дремучихъ дебрей.

XXIII.

Гроза реветъ, быть можетъ, онъ
Зашелъ далеко въ горы:
Ему пріятнѣй звѣря стонъ
Руки прелестной Моры. —
»Мой сынъ! любезный мой Оскаръ!
Вскричалъ отецъ унылой,
»Гдѣ ты? гдѣ ты? какой ударъ
»И мнѣ и Морѣ милой!«

XXIV.

»Скорѣй, о воины—друзья!
»Обрѣсть его теките,
»Спокойте Мору и меня
»Оскара приведите.
»Ступай Алланъ—ищи его,
»Пройди лѣса, долины;
»Отдайте сына моего,
»Мнѣ вѣрныя дружины!« —

XXV.

Въ смятеньи все.—»Оскаръ, Оскаръ!«
Взываютъ звѣроловы,
И грозно вторитъ имъ ударъ
Въ поднебесьи громовый.
»Оскаръ!« отвѣтствуютъ лѣса;
»Оскаръ! грохочутъ волны,
И воютъ буря и гроза—
И всѣ опять безмолвны.

XXVI.

Денница гонитъ мракъ ночной,
Сводъ неба прояснился;
Проходитъ день, прошелъ другой,—
Оскаръ не возратился.
Приди Оскаръ!—невѣста ждетъ,
Ждутъ дѣвы молодыя,
И нѣтъ его́—и Ангусъ рветъ
Власы свои сѣдые.

XXVII.

»Оскаръ, предметъ моей любви!
Оскаръ, мой свѣтлый Геній!
Ужели ты съ лица земли
Низшелъ въ обитель тѣней?

О гдѣ ты, сына моего
    Убійца потаенной?
Открой его, открой его,
    Властитель надъ вселенной!

XXVIII.

»Быть можетъ, жертва злобы, онъ
    Лежитъ безъ погребенья;
И трупъ героя обречёнъ
    Звѣрямъ на разхищенье.
Быть можетъ, змій въ его костяхъ
    Бѣлѣющихъ таится,
И на скалѣ Оскаровъ прахъ
    Луною серебрится.

XXIX.

»Не съ честью онъ, не въ битвѣ палъ,
    Но отъ руки поносной;
Сразилъ могущаго кинжалъ,
    Не мечь побѣдоносной.
Никто слезой не оросить
    Оскаровой могилы,
И славы холмъ не посѣтитъ
    Въ часъ полночи унылый.

XXX.

»Оскаръ, Оскаръ! закрылъ ли ты
    Плѣнительные взоры?
Правдивы ль Ангуса мечты
    И Вышнему укоры?
Погибъ ли ты, сынъ милый мой,
    Души моей отрада? —
Сдружися, смерть, сдружись со мной,
    Небесъ благихъ награда!«

XXXI.

Такъ старецъ, мучимый тоской,
    Излилъ свое волненье,
И чуждъ души его покой,
    И чуждо утѣшенье.
Повсюду горестный влачитъ
    Губительное бремя,
И рѣдко духъ его живитъ
    Цѣлительное время.

XXXII.

»Оскаръ мой живъ« — онъ льститъ себя
    Надеждою пріятной,
И снова мнитъ: »несчастенъ я,
    »Погибъ онъ невозвратно.«

Какъ звѣзды яркія во мглѣ
То меркнутъ, то пылаютъ,
Печаль съ отрадой на челѣ
У Ангуса сіяютъ.

XXXIII.

Текутъ за днемъ другіе дни
Чредою постоянной,
И кроютъ будущность они
Завѣсою туманной.
Плыветъ луна; проходитъ годъ,
»Оскаръ невозвратится.« —
И рѣже старецъ слёзы льётъ,
И менѣе крушится.

XXXIV.

Оскара нѣтъ; Алланъ при немъ:
Онъ дней его опора;
И тайнымъ, пламеннымъ огнемъ
Къ нему пылаетъ Мора.
Подобный брату красотой,
И, дѣвъ очарованье,
Привлекъ онъ Моры молодой
Летучее вниманье.

XXXV.

»Оскара нѣтъ, Оскаръ убитъ,
»И ждать его напрасно,
Стыдливо дѣва говоритъ,
Сгарая нѣгой страстной.
»Когдажь онъ живъ, то, можетъ быть,
»Я—жертвою обмана;
«Люблю его, клянусь любить
»Прелестнаго Аллана.«

XXXVI.

— Алланъ и Мора! годъ одинъ, —
Имъ старецъ отвѣчаетъ, —
Продлите годъ:—погибшій сынъ
Мнѣ сердце сокрушаетъ!
Чрезъ годъ и ваши и мои
Исполнятся желанья; —
Я самъ назначу день любви
И бракосочетанья. —

XXXVII.

Проходитъ годъ. Ночная тѣнь
Туманитъ лѣсъ и горы;
И вотъ насталъ желанный день
Для Юноши и Моры.

Пышнѣе на небѣ блеститъ
Свѣтило золотое,
Быстрѣй во взорахъ ихъ горитъ
Веселіе живое.

XXXVIII.

Я слышу рокоты роговъ
И свадебные клики;
И сонмы старцевъ и пѣвцовъ
Ликуютъ вкругъ владыки.
Летаютъ персты по струнамъ,
Пылаетъ дубъ столѣтній
И ходитъ быстро по рукамъ
Стаканъ отцовъ завѣтный.

XXXIX.

Въ одеждахъ пышныхъ и цвѣтныхъ
Герои собралися,
И въ Альвѣ пѣсни дѣвъ младыхъ
И цитры раздалися.
Забыта горесть прежнихъ дней,
Всѣ пьютъ блаженства сладость,
И средь торжественныхъ огней
Таитъ невѣста радость.

XL.

Но кто сей мужъ? невольный страхъ
Черты его вселяютъ,
Вражда и месть въ его очахъ,
Какъ молніи, сверкаютъ.
Незнаемъ онъ, не Альвы сынъ,
Свирѣпый и угрюмый;
И сѣлъ отъ всѣхъ вдали одинъ,
Исполненъ тяжкой думы.

XLI.

Окрестъ раменъ его обвитъ
Плащь черный и широкій;
Перо багровое сѣнитъ
Шеломъ его высокій.
Слова его, какъ гулъ въ дали,
Какъ громъ передъ грозою;
Едва касается земли
Онъ легкою стопою.

XLII.

Ужь полночь. Гости за столомъ;
Живѣе арфы звуки,
И кубокъ съ дѣдовскимъ виномъ
Изъ рукъ летаетъ въ руки.

Желаютъ счастья молодымъ,
Поютъ во славу Моры,
Стремятся радостные къ нимъ
Привѣтствія и взоры.

XLIII.

И вдругъ, какъ бурная волна,
Воспрянулъ неизвѣстный:
И воцарилась тишина
И трепетъ повсемѣстный.
Умолкъ веселый шумъ рѣчей
И свадебные клики;
И страхъ проникъ въ сердца гостей
И Моры и Владыки.

XLIV.

»Старикъ, сказалъ онъ, вкругъ тебя,
»Какъ звѣзды вкругъ тумана,
»Пируютъ вѣрные друзья
»И славятъ бракъ Аллана.
»Я пилъ за здравіе сего
»Счастливаго супруга:
»Пей ты за здравье моего
»Товарища и друга.«

XLV.

»Скажи мнѣ, старецъ, для чего
»Оскаръ не раздѣляетъ
»Веселья брата своего?
»За чѣмъ не поминаетъ
»Никто при васъ о семъ ловцѣ?
»Гдѣ Альвы украшенье?
»Зачѣмъ не здѣсь онъ—при отцѣ?
»Рѣши мое сомнѣнье.«

XLVI.

—Оскаръ гдѣ?—Ангусъ отвѣчалъ,—
И сердце въ немъ забилось
И въ золотой его покалъ
Слеза изъ глазъ скатилась.
Давно, мой другъ, Оскара нѣтъ;
Гдѣ онъ—никто не знаетъ;
Лишь онъ одинъ на склонѣ лѣтъ
Меня не утѣшаетъ.—

XLVII.

»Лишь онъ одинъ тебя забылъ,
Съ улыбкою ужасной
Свирѣпый воинъ возразилъ,
»А можетъ быть, напрасно

»Ты плачешь каждый день объ немъ,
»И намъ бы о Героѣ
»Бесѣдовать, какъ о живомъ,
»Въ пиру, при шумномъ роѣ. «

XLVIII.

»Наполни кубокъ свой виномъ,
»И пусть онъ переходитъ
»Изъ рукъ въ другія за столомъ,
»Оскара онъ приводитъ
»На память любящимъ его.
»Я всѣмъ провозглашаю:
»За зравье друга моего
»Оскара выпиваю.«

XLIX.

— Я пью, отвѣтствуетъ старикъ,
За здравіе Оскара!
И загремѣлъ всеобщій крикъ:
»*За здравіе Оскара!*«
Оскаръ въ душѣ моей живетъ, —
Сказалъ старикъ, — какъ прежде
И естьли живъ онъ, то придетъ,
Я вѣрю сей надеждѣ. —

L.

»Придетъ иль нѣтъ—но чтожъ Аллань
»Не пьетъ вина со мною,
»И держитъ полный свой стакань
»Дрожащею рукою?
»Почто, скажи, Оскаровъ братъ,
»Почто сіе смущенье?
»Иль ты не можешь и не радъ
»Исполнишь предложенье?«

LI.

»Какой тебя волнуетъ страхъ?
»Мы пили—не робѣли!«
И быстро розы на щекахъ
Аллана помертвѣли.
Течетъ съ лица холодный потъ,
На всѣхъ взоръ дикій мещетъ;
Къ устамъ подноситъ и не пьётъ
И въ ужасѣ трепещетъ.

LII.

»Не пьёшь, Алланъ, прекрасно, такъ!
»Любви весьма не лестной
»Ты показалъ намъ явный знакъ!
Воскликнулъ неизвѣстной;

»Я вижу хочешь честь воздать
»Геройскому ты праху,
»Но на челѣ твоемъ печать
»Не радости, а страху.«

LIII.

Алланъ невѣрною рукой,
Предъ воиномъ грозящимъ,
Подноситъ кубокъ круговой
Къ устамъ своимъ дрожащимъ.
— Я пью— сказалъ, за моего
Любезнаго Оскара!...
И кубокъ палъ изъ рукъ его,
Какъ будто отъ удара!

LIV.

»Я слышу голосъ: это онъ—
»Братоубійца злобный!«
Раздался вдругъ протяжный стонъ,
И вопль громоподобный!
»*Убійца мой!*« отозвалось
По всѣмъ концамъ собранья,
И съ страшнымъ гуломъ потряслось
Стремительно все зданье!

LV.

Померкъ румяный свѣтъ огней,
Загрохотали громы,
И сталъ незримъ въ кругу гостей
Чудесный незнакомый,
И отвратительный фантомъ
Въ молчаніи суровомъ,
Предсталъ, одѣянный плащомъ
Широкимъ и багровымъ.

LVI.

Изъ подъ полы огромный мечь,
Кинжалъ и рогъ блистаютъ
И перья черныя до плечь
Съ шелома упадаютъ;
Зіяетъ рана на его
Груди окровавленной,
И страшны блѣдное чело
И взоръ окамененной.

LVII.

Съ привѣтомъ хладнымъ и нѣмымъ
На старца онъ взираетъ
И, взоръ осклабивъ, передъ нимъ
Колѣно преклоняетъ

И грозно кажетъ на груди
    Запекшуюся рану—
Безъ чувствъ простертому, среди
    Друзей своихъ, Аллану.

LVIII.

Вновь громы въ мрачныхъ облакахъ
    Надъ Альвой загремѣли:
Щиты и латы на стѣнахъ
    Протяжно зазвенѣли
И тѣнь въ ужасной красотѣ,
    Одѣянная тучей,
Взвилась и скрылась въ высотѣ,
    Какъ метеоръ летучій.

LIX.

Разстроенъ пиръ; соборъ гостей
    Умолкъ, безмолвенъ въ страхѣ!
Но кто—не Ангусъ ли? кто сей,
    Поверженный во прахѣ?
Нѣтъ, дни владыки спасены:
    Онъ жить не перестанетъ,
Но дни Аллана—сочтены:
    Онъ болѣе не встанетъ.

LX.

Безъ погребенья брошенъ былъ
Убійцей трупъ Оскара,
И вѣтръ власы его носилъ
Въ долинѣ *Глентонара.*
Не въ битвѣ жизнь окончилъ онъ,
Не мощною рукою,
Вѣнчанный славой, пораженъ,
Но братнею стрѣлою.

LXI.

Какъ въ лѣтній зной увядшій цвѣтъ,
Онъ палъ, войны питомецъ!
Ему и памятника нѣтъ!...
Ужасный незнакомецъ,
Никѣмъ неузнанный—исчезъ!
Другое привидѣнье,
Какъ было признано,— съ небесъ
Оскарово явленье!

LXII.

Прошли твои златые дни
Невѣста гроба, Мора!
Не узрятъ болѣе они
Имъ пагубнаго взора!

Живи, снѣдаема тоской,
Печальна и уныла;
Взгляни сюда: сей холмъ крутой—
Алланова могила.

LXIII.

Какіе Барды воспоютъ
На арфѣ громогласной
И позднимъ лѣтамъ предадутъ
Конецъ его ужасный?
Какой возвышенный Пѣвецъ
Возвышенныхъ дѣяній
Возложитъ риторскій вѣнецъ
На урну злодѣяній?

LXIV.

Пади вѣнокъ Поэта въ прахъ!
Ты—не награда злобѣ:
Одно добро живетъ въ вѣкахъ,
Порокъ — истлѣетъ въ гробѣ!
Напрасно жалости злодѣй,
У Менестреля проситъ:
Проклятье брата и людей
Мольбы его разноситъ.

МОРНИ И ТѢНЬ КОРМАЛА.

(изъ Оссіана)

»Владыко щитовъ,
Мечей сокрушитель
И сильныхъ громовъ
И бурь повелитель!
Война и пожаръ
Въ Арвенѣ пылаютъ,
Арвену Дунскаръ
И смертъ угрожаютъ.
Реки мнѣ, о тѣнь
Обители хладной!
Падетъ ли въ сей день
Дунскаръ кровожадной?
Твой сынъ тебя ждетъ
Надеждою полный.

И море реветъ
И пѣнятся волны;
Испуганный вранъ
Летитъ изъ стремнины,
Простерся туманъ
На лѣсъ и долины;
Эѳиръ задрожалъ,
Спираются тучи. . . .
Не ты ли, Кормалъ,
Несешься могучій? «

Тѣнь.

Чей гласъ роковой
Тревожить дерзаетъ
Мой хладный покой?

Морни.

Твой сынъ вопрошаетъ,
Царь молній, тебя!
Неистовый воинъ
Напалъ на меня.
Онъ казни достоинъ.

Тѣнь.

Ты просишь. . . .

Морни.

Меча!

Меча твоей длани,
Отъ молній луча!
Какъ бурю во брани,
Узришь меня съ нимъ;
Онъ страшно заблещетъ
На пагубу злымъ;
Сынъ горъ затрепещетъ,
Сраженный падетъ —
И Морни воздвигнетъ
Трофеи побѣдъ. . .

Тѣнь.

Прими — да погибнетъ! . . .

ВАЛТАСАРЪ.

Подражаніе V главѣ Пророка Даніила.

Царь на тронѣ сидитъ;
Передъ нимъ и за нимъ
Съ раболѣпствомъ нѣмымъ
Рядъ Сатраповъ стоитъ.
Драгоцѣнный чертогъ
И блеститъ и горитъ;
И земной полубогъ
Пиръ устроить велитъ.
Золотая волна
Дорогаго вина
Нѣжитъ чувства и кровь;
Звуки лиръ, юныхъ дѣвъ
Сладострастный напѣвъ
Возжигаетъ любовь.
Упоенъ, восхищёнъ —
Царь на тронѣ сидитъ, —

И торжественный тронъ
И блеститъ и горитъ.
Вдугъ невѣдомый страхъ
У Царя на челѣ
И унынье въ очахъ,
Обращенныхъ къ стѣнѣ.
Умолкаетъ звукъ лиръ
И веселыхъ рѣчей,
И разстроенный пиръ
Видитъ ужасъ очей:
Огневая рука
Исполинскимъ перстомъ,
На стѣнѣ предъ Царёмъ,
Начертала слова.
И никто изъ мужей,
И царевыхъ гостей,
И искусныхъ волхвовъ
Силы огненныхъ словъ
Изъяснить не возмогъ.
И земной полубогъ
Омрачился тоской.
И Еврей молодой
Къ Валтасару предсталъ
И слова прочиталъ:

Мани, *Фекел*, *Фарес*.
Вотъ слова на стѣнѣ:
Волю Бога небесъ
Возвѣщаютъ онѣ.
Мани, значитъ: Монархъ,
Кончилъ царствовать ты!
Градъ у Персовъ въ рукахъ —
Смыслъ середней черты;
Фаресъ, — третье — гласитъ:
Нынѣ будешь убитъ!
Рекъ — изчезъ. . . . . Изумленъ,
Царь невѣритъ мечтѣ;
Но чертогъ окруженъ
И. . . онъ мертвъ на щитѣ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

КЪ БАЙРОНУ.

(*изъ Ламартина*)

О ты, таинственный властитель нашихъ думъ—
Не духъ, не человѣкъ — непостижимый умъ!
Ктобъ ни былъ ты, Байронъ, иль злой иль добрый геній,
Люблю порывъ твоихъ печальныхъ пѣснопѣній,
Какъ бури вой, какъ вихрь, какъ громъ во мракѣ тучь,
Какъ моря грозный ревъ, какъ молній ярый лучь.
Тебя плѣняетъ стонъ, отчаянье, страданье;
Твоя стихія—нощь; смерть, ужасъ—достоянье.
Такъ царь степей — орелъ, презрѣвъ цвѣты долинъ,
Паритъ превыше звѣздъ, утесовъ и стремнинъ;

Какъ ты — сынъ мощный горъ, свирѣпый, кровожадной,
Онъ ищетъ ужасовъ зимы нѣмой и хладной,
Низринутыхъ волной отломковъ кораблей,
Костьми и трупами усѣянныхъ полей. —
И между тѣмъ, когда пѣвица наслажденья
Поетъ своей любви и муки и томленья,
Подъ сѣнью пальмъ, у водъ смѣющейся рѣки: —
Онъ видитъ подъ собой, Кавказскіе верхи,
Несется въ облака, летитъ въ пучинѣ звѣздной,
Простерся и плыветъ стремительно надъ бездной;
И тамъ одинъ, среди тумановъ и снѣговъ,
Свершивши радостный и гибельный свой ловъ,
Терзая съ алчностью трепещущіе члены,
Смыкаетъ очи онъ, грозою усыпленный. —
И ты, Байронъ, паришь, презрѣвши жалкій міръ:
Зло — зрѣлище твое, отчаянье — твой пиръ.
Твой взоръ, твой смертный взоръ измѣрилъ злоключенья;
Въ душѣ твоей не Богъ, но демонъ искушенья. —
Какъ онъ, ты движешь все, ты мрака властелинъ.

Надежды кроткій лучь— отвергнулъ ты одинъ.
Вопль смертныхъ, для тебя—пріятная отрада;
Неистовый, какъ адъ, — поёшь ты въ славу
ада. —
Но что противъ судебъ могущій геній твой! —
Всевышняго уставъ не рушится тобой;
Всевѣденье Его премудро и глубоко.
Имѣютъ свой предѣлъ и разумъ нашъ и око;
За симъ предѣломъ мы не видимъ ничего
Я жизнью одаренъ, но, какъ и для чего —
Постигнуть не могу — въ рукахъ Творца могучихъ
Образовался міръ? какъ сонмы водъ зыбучихъ,
Какъ вѣтръ, какъ легкій прахъ поверхъ земли
разлилъ?
Какъ синій сводъ небесъ звѣздами населилъ? —
Вселенная — Его. А мракъ, недоумѣнье,
Безумство, слѣпота, ничтожность и надмѣнье —
Вотъ нашъ единственный и горестный удѣлъ. —
Байронъ! сей истинѣ не вѣрить ты посмѣлъ!
Безсмысленный атомъ! исполнить назначенье,
Къ которому тебя воззвало Провидѣнье,
Хранить въ душѣ своей законъ Его святой

И пѣть хвалу Ему — вотъ долгъ, вотъ жребій твой. —
Природа въ красотахъ — изящна, совершенна;
Какъ Богъ, она мудра, какъ время — неизмѣнна.
Смирись предъ ней, роптать напрасно не дерзай;
Разящую тебя десницу лобызай. —
Свята, и милуетъ она во гнѣвѣ строгомъ:
Ты быліе, ты прахъ, ты червь предъ мощнымъ Богомъ,
И ты и червь равны предъ взорами Его,
И ты произошелъ, какъ червь, изъ ничего.
Ты возражаешь мнѣ: « законъ уму ужасный
И съ промысломъ души всемірной несогласный!
Не сущность вижу въ немъ, но льстивую тщету,
Что бъ въ смертныхъ вкоренить о счастіи мечту, —
Тогда какъ горестей не въ силахъ мы изчислить. «
Байронъ! возможноль такъ о Непостижномъ мыслить,
О связи всѣхъ вещей, превыспреннемъ умѣ?
Мы слабы. Какъ и ты, блуждаю я во тьмѣ;
Творецъ — художникъ нашъ, а мы — Его махины:

Проникнемъ ли Его начальныя причины? —
Единый Тотъ, Кто могъ все словомъ сотво-
ришь, —
Возможетъ мудрый планъ природы изъя-
снить. —
Я вижу лабиринтъ, вступаю и теряюсь.
Ищу конца его — и тщетно покушаюсь.
Текутъ дни, мѣсяцы унылой чередой,
Тоска смѣняется лютѣйшею тоской;
Въ границы тѣсныя природой заключенный,
Свободный, мыслящій, возвышенный, надмѣнный,
Неограниченный въ желаньяхъ властелинъ,
Кто смертный есть? — Эдема падшій сынъ, —
Сраженный полубогъ! . . . . .
Онъ не забылъ еще своей минувшей славы,
Онъ помнитъ прежній рай, клянетъ себя и рокъ,
Онъ неба потерять изъ памяти не могъ. —
Могущій — онъ паритъ душой въ протекши годы;
Безсильный — чувствуетъ всѣ прелести свободы;
Несчастный — ловитъ лучь надежды золотой
И сердце веселитъ отрадною мечтой, —
Печальный, горестью, уныніемъ убитый,
Онъ схожъ съ тобой, онъ ты — изгнанникъ
знаменитый!

Увы! обманутый коварствомъ сатаны,
Когда ты исходилъ изъ милой стороны,
Съ отчаяньемъ въ груди, съ растерзанной
душою,
Въ послѣдній разъ тогда — горячею слезою
Ты орошалъ, Адамъ, Эдемскіе цвѣты.
Безчувственъ, полумертвъ, у вратъ поверг-
ся ты.
Въ послѣдній разъ взглянулъ на милое селенье,
Гдѣ счастье ты вкусилъ, пріялъ твое рожденье;
Услышалъ Ангеловъ поющихъ сладкой хоръ —
И отвративъ главу, склонилъ печальной взоръ,
Еще невольно разъ къ Эдему обратился,
Заплакалъ, зарыдалъ и быстро удалился.
О жертва бѣдная раскаянья и мукъ!
Какому пѣнію внималъ твой робкій слухъ?
Моглоль что выразить порывъ твоихъ вол-
неній,
При видѣ мѣстъ едва минувшихъ наслажденій?
Увы! потерянный прелестный вертоградъ!
Ты въ душу падшаго вливалъ невольно ядъ.
Полна волшебнаго о счастьи вспоминанья,
Она, какъ тѣнь, въ жару забвенья и мечтанья,
Перелетала вновь въ завѣтные сады

И упоялась вновь всѣмъ блескомъ красоты.
Но исчезали сны — и пламенныя розы
Адамовыхъ ланитъ — какъ дождь, кропили
слёзы.
Когда прошедшее намъ сердце тяготитъ
И настоящее отрадою не льститъ,
Мы жаждемъ болѣе счастливаго удѣла. —
Тогда желанія бываютъ безъ предѣла;
Мы въ мысляхъ воскресимъ блаженство преж-
нихъ дней,
И снова вспыхнетъ огнь погаснувшихъ стра-
стей. —
Таковъ былъ жребій твой, въ жестокій часъ
паденья.
Увы! и я испилъ изъ чаши злоключенья,
И я, какъ ты, смотрѣлъ, не видя ничего,
И также быть хотѣлъ толковникомъ всего.
Напрасно я искалъ сокрытаго начала,
Природу вопрошалъ — она не отвѣчала.
Отъ праха до небесъ парилъ мой гордый умъ
И слабый — низпадалъ, терялся въ безднѣ думъ. —
Надеждою дыша, увѣренностью полный,
Безстрашно разсѣкалъ я гибельныя волны
И истины искалъ въ совѣтахъ мудрецовъ;

Съ Невтономъ я леталъ превыше облаковъ,
И время оставлялъ, строптивый, за собою,
И въ мракахъ дальнихъ лѣтъ я бодрствовалъ душою.
Во прахѣ падшихъ царствъ, въ останкахъ вѣковыхъ
Катоновъ, Цезарей — свидѣтелей нѣмыхъ
Неумолимаго, какъ время, разрушенья —
Хотѣлъ разсѣять я унылыя сомнѣнья;
Священныхъ тѣней ихъ тревожилъ я покой;
Безсмертія искалъ я въ урнѣ гробовой —
И признаковъ его, никѣмъ непостижимыхъ,
Искалъ во взорахъ жертвъ, недугами томимыхъ,
Въ очахъ, исполненныхъ и смерти и тоски,
Въ послѣднемъ трепетѣ хладѣющей руки.
Пылалъ обрѣсть его въ желаніяхъ надежныхъ,
На мрачныхъ высотахъ туманныхъ горъ и снѣжныхъ,
Въ струяхъ зеркальныхъ водъ, въ клубящихся волнахъ,
Въ гармоніи стихій, въ разкатистыхъ громахъ.
Я мнилъ — что грозная, въ порывахъ измѣненій,

Въ часы таинственныхъ, небесныхъ вдохновеній,
Природа изрѣчетъ пророческій глаголъ:
Богъ блага могъ ли быть Богъ бѣдствія и золъ?
Всѣ промыслы Его судебъ непостижимы,
И въ мірѣ и добро и зло необходимы.
Но тщетно льстился я. — Онъ есть сей дивный Богъ;
Но зря Его во всемъ, постичь я не возмогъ.
Я видѣлъ: зло съ добромъ и, мнилося, безъ цѣли,
Смѣшавшись на землѣ, повсюду свирѣпѣли.
Я видѣлъ океанъ губительнаго зла,
Гдѣ капля блага быть излита не могла;
Я видѣлъ торжество блестящее порока —
И добродѣтель — ахъ! плачевной жертвой рока; —
Во всемъ я видѣлъ зло, добра не понималъ,
И все живущее въ природѣ осуждалъ.
Однажды, тягостной тоскою удрученный,
Я къ небу простиралъ свой ропотъ дерзновенный —
И вдругъ съ эѳира лучь блеснулъ передо мной,
И овладѣлъ моей трепещущей душой.

Подвигнутый его таинственнымъ влеченьемъ,
Разстался я на вѣкъ съ мучительнымъ сомнѣньемъ,
Забывъ на Вышняго презрѣнную хулу,
И такъ Ему воспѣлъ невольную хвалу:
»Хвала Тебѣ, Творецъ могущій, безконечный,
Верховный Разумъ, Духъ незримый и предвѣчный.
Кто не былъ — тотъ возсталъ изъ праха предъ Тобой,
Не бывши бытіемъ, я слышалъ голосъ Твой.
Я здѣсь! Хаосъ Тебя рожденный славословитъ
И мыслящій атомъ Твой взоръ творящій ловитъ.
Могулъ измѣрить я въ сей благодатный часъ
Неизмѣримое пространство между насъ?
Я—дѣло рукъ Твоихъ — я, дышущій Тобою,
Пріявшій жизнь мою невольною судьбою,—
Могу ли за нее возмездія просить? —
Не Ты обязанъ — я! — мой долгъ— Тебя хвалить! —
Вели, располагай, о Ты неизрѣченный!
Готовъ исполнить Твой законъ всесовершенный.

Назначь, опредѣли, мудрѣйшій властелинъ,
Пространству, времени — порядокъ, ходъ
и чинъ. —
Безъ тайныхъ ропотовъ, съ слѣпымъ пови-
новеньемъ,
Доволенъ буду я Твоимъ опредѣленьемъ. —
Какъ сонмы свѣтлые блистательныхъ круговъ
Въ эфирныхъ высотахъ, какъ тысячи міровъ,
Вращаются, текутъ въ связи непостижимой—
Я буду шествовать, Тобой руководимой.
Избранный ли Тобой, сынъ персти, воспарю,
Въ предѣлы неба я и гордый, тамъ узрю,
Въ лазурныхъ облакахъ престолъ Твой ве-
личавой —
И Самаго Тебя, одѣяннаго славой,
Въ сіяньи радужныхъ, божественныхъ лучей;
Или трепещущій [illegible] очей,
Во мракѣ хаоса атомъ, Тобой забвенный,
Несчастный, страждущій и смертными през-
рѣнный,
Я буду жалкій членъ живаго бытія: —
Всегда — хвала Тебѣ, Господь! воскликну я,
Ты сотворилъ меня, Твое я есмь созданье,
Пошли мнѣ на главу и гнѣвъ и наказанье,

Я сынъ, Ты мой Отецъ! кипитъ въ груди
восторгъ!
И снова я скажу — хвала Тебѣ мой Богъ! —
Сынъ праха — воздержись! Святое прови-
дѣнье
Сокрыло отъ тебя твой рокъ и назначенье.
Какъ яркая звѣзда, какъ мѣсяцъ молодой —
Плыветъ и сыплетъ блескъ по тучамъ зо-
лотой
И кроетъ юный рогъ за рощею ночною,
Такъ шествуешь и ты невѣрною стопою
Въ юдоли жизни сей. Ты слабымъ созданъ былъ;
Двѣ крайности въ тебѣ Творецъ соединилъ.
Быть можетъ съ ними я невольно сталъ
несчастенъ;
Но благости Твоей и славѣ я причастенъ;
Ты мудръ — не мудраго не можешь произвесть:
Склоняюсь предъ Тобой — хвала Тебѣ и
честь!
Но между тѣмъ тоска смѣнила въ сердцѣ
радость;
Погасла навсегда смѣющаяся младость.
Угрюмый, одынокъ, прошедшимъ удручёнъ,
Я вижу: пролетитъ существенный мой сонъ!

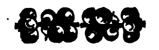
Престанетъ гнать меня завистливая злоба!
Полуразрушенный, стою при дверяхъ гроба —
Хвала Тебѣ! — Вражды и горести змія,
Терзала грудь мою. — Въ слезахъ родился я;
Слезами обмывалъ мой хлѣбъ пріобрѣтенный,
Въ слезахъ всю жизнь провелъ, Тобою пораженный:
Хвала Тебѣ! — Терпѣлъ невинно я, страдалъ,
До дна испилъ я бѣдъ и горестей фіялъ,
У праведныхъ небесъ просилъ себѣ защиты —
И палъ, перунами Всевышняго убитый. —
Хвала Тебѣ! — Тобой невинность сражена!...
Былъ другъ души моей — отрада мнѣ одна!
Ты Самъ соединилъ насъ узами любови
И Ты запечатлѣлъ союзъ священный крови —
. . . .
. . . .
Какъ юный, нѣжный цвѣтъ, отъ стебля отдѣленный,
Увялъ онъ на груди моей окаменѣнной!..
Я видѣлъ смерть въ его хладѣющихъ чертахъ,
Любовь боролась съ ней.... и въ гаснувшихъ очахъ

Изображалось все души его томленье.
О солнце, я молилъ, продли твое теченье!
Какъ жертва палача, въ часъ смерти роковой,
Преступникъ зритъ топоръ, взнесенный надъ
главой,
Безчувственъ, падаетъ въ отчаяньи и страхѣ
И ловитъ бытія послѣдній мигъ на плахѣ;
Такъ блѣденъ, — быстръ, какъ взоръ, вни-
мателенъ, какъ слухъ,
Я рвался удержать его послѣдній духъ...
Онъ излетѣлъ!... О Богъ правдивый, мило-
сердый! —
Простишь ли мнѣ?.. роптал въ несчастіяхъ
нетвердый,
Роптал противъ Тебя, судилъ Твои пути...
Непостижимый Богъ! прости меня, прости....
Ты правъ... безуменъ я.... достоинъ нака-
занья...:
[illegible] далъ въ удѣлъ
страданья.
Такъ! — я не нарушалъ закона Твоего.
Лишился милаго душѣ моей всего,
Лишился радости, покоя невозвратно:
Но чтожъ? Твои дары я возвратилъ обратно.

Противиться не льзя таинственной судьбѣ;
Желаньемъ, волею я жертвую Тебѣ. —
Я полонъ на Тебя незыблемой надежды
И съ вѣрою она мои закроетъ вѣжды.
Люблю Тебя, Творецъ, во мракѣ грозныхъ тучь,
Когда ты въ молніяхъ, ужасенъ и могучь,
Уставъ преподаешь природѣ устрашенной,
Иль кроткія весны дыханьемъ облеченной,
На землю низведешь гармонію небесъ! —
Хвала Тебѣ! скажу, лія потоки слезъ,
Хвала верховный Умъ — порядокъ неразрывный! —
Рази, карай меня — хвала Тебѣ, Богъ дивный! « —
Такъ мыслилъ я тогда, такъ небомъ пламенѣлъ
И такъ восторженный, Царя природы пѣлъ. —
О ты неопытныхъ коварный искуситель!
Неистовый сердецъ чувствительныхъ мучитель!
Познай, Байронъ, мечту твоихъ печальныхъ думъ,
Познай и устреми ко благу пылкій умъ.

Наперсникъ ужасовъ — пѣвецъ ожесточенья!
Ужель твоя душа не знаетъ умиленья!
Простри на небеса задумчивый твой взоръ:—
Не зришь ли въ нихъ Творцу согласный, стройный хоръ?
Не чувствуешь ли ты невольнаго восторга?
Дерзнешь ли не признать и власть и силу Бога,
Таинственный уставъ, непостижимый перстъ —
Въ премудромъ чертежѣ міровъ, планетъ и звѣздъ?
Ахъ! еслибъ, смерти сынъ — изъ мрака вѣчной ночи,
Ты оросилъ слезой раскаянія очи,
Надеждой окриленъ, оставилъ ада сводъ —
И къ свѣту горнему направилъ свой полетъ,
И въ сонмѣ Ангеловъ твоя взремѣла лира:
Нѣтъ, никогдабъ еще во области эфира,
Никто возвышеннѣй, пріятнѣй и сильнѣй
Не выразилъ хвалы Владыкѣ всѣхъ царей!—
Мужайся, падшій духъ! Божественные знаки
Ты носишь на челѣ. — Какъ легкіе призраки,

Какъ сонъ, какъ вѣтерокъ, исчезнетъ славы
дымъ:
Ты адомъ, гордостью, ты зломъ боготво-
римъ,
Царь пѣсней! презри лесть — она твоя
отрава; —
Съ одною истиной прочна бываетъ слава.
Склони предъ ней главу, надмѣнный вели-
канъ!
Теки, спѣши занять потерянный твой санъ—
Среди сыновъ, благимъ отцомъ благосло-
венныхъ,
Для радости, любви, для счастья сотворен-
ныхъ. —

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

СМЕРТЬ СОКРАТА.

(Изъ Ламартина).

(*Сократъ утѣшаетъ плачущихъ учениковъ своихъ*).

—Вы плачете друзья—и плачете въ то время,
Когда моя душа, какъ чистый ѳиміамъ,
Навѣкъ освободясь отъ тягостнаго бремя,
Стремится къ небесамъ.

Когда она въ пылу священнаго восторга,
Какъ свѣтлый, горній духъ, стрясая прахъ земной,
Изъ царства горести паритъ на лоно Бога
И истины святой.

Что время и что жизнь безъ смерти въ сей юдоли?
Почто пріятно мнѣ за истину страдать?
Почто моя душа оковы сей неволи
Пылаетъ разорвать?

Что значитъ, о друзья, безъ смерти добродѣтель?
Что память мудраго — въ потомствѣ оживитъ?
Смерть! Смертію одной верховный благодѣтель
Её вознаградитъ.

Она не бичь людей — но жребій вожделѣнной,
Побѣдоносный лавръ, торжественный вѣнецъ,
Которымъ насъ даритъ рукой благословенной,
Всевѣдущій Творецъ.

И еслибъ вопреки могущему велѣнью,
Я жизнью дорожилъ и могъ её продлить,
О други! и тогда, покорный провидѣнью,
Я не желалъ бы жить.

Не плачьте обо мнѣ: не скорбью удрученныхъ
Пріятно мнѣ узрѣть сподвижниковъ моихъ,
Но съ радостнымъ челомъ и амброй окурен-
ныхъ,
И въ тканяхъ дорогихъ.

Какъ юноша — женихъ, увѣнчанный цвѣтами —
Къ невѣстѣ молодой идетъ при звукахъ лиръ:
Такъ я хочу идти, о други, между вами
На смертный вѣчный пиръ.

Что значитъ умереть? — Прервать соеди-
ненье
Небеснаго луча съ презрѣнною землёй,
И снова исполнять свое предназначенье
За дверью гробовой.

Напрасно человѣкъ стремится за блажен-
ствомъ,
Подобный узнику стрегомому въ тюрмѣ,
Одѣянный своимъ земнымъ несовершенствомъ —
Блуждаетъ онъ во тьмѣ.

Но тотъ, кого волна низвергла въ пристань
мира,
Кто жизни новый свѣтъ съ спокойствіемъ
узрѣлъ —
Тотъ самъ, какъ лучь зари, во области
эфира,
На небо полетѣлъ.

Онъ чуждъ уже своей презрѣнной оболочки,
Союзъ съ землей его не въ силахъ тяготить,
И жизнь и смерть предъ нимъ невидимыя точки:
Онъ снова началъ жить!

— »Но смерть есть чаша золъ— край бѣдствій
и страданій!«
Друзья! не можетъ быть. — Сей тяжкой пе-
реломъ
Есть странствія конецъ и горькихъ испы-
таній,
И зло вездѣ съ добромъ.

Не зримъ ли мы, что день течетъ за мра-
комъ ночи,
Пріятная весна за хладною зимой;

Съ воззрѣніемъ на свѣтъ блестятъ младенца очи
Невинною слезой.

Верховнаго Творца могущая десница
Сравняла море зла и море вѣчныхъ благъ:
Предшественница тьмы, безсмертія денница
И къ Богу первый шагъ.

Не знаю: съ торжествомъ иль грустью безнадежной
Ввергается душа въ объятія ея;
Но съ чистою душой сей жребій неизбѣжной
Нестрашенъ для меня.

Я думаю, что Богъ за жизнію земною,
Какъ правый и благій, блаженство обречётъ.
И сердце поразивъ губительной стрѣлою,
Бальзамъ въ него прольётъ. —

Мы слушали..... одинъ улыбкою сомнѣнья,
Сократовы слова Цебесъ сопровождалъ —
— и полный вдохновенья,
Учитель продолжалъ:

— Такъ други! первый лучь блистательной
зарницы,
Летучій ароматъ мастиковъ и цвѣтовъ,
Сліянный голосъ дѣвъ съ гармоніей цѣвницы
И звуки милыхъ словъ,

Ничто не превзойдетъ чистѣйшаго восторга
Страдалицы души, летящей къ небесамъ.
Что жизнь, что смерть? что міръ? Ни
что предъ славой Бога —
Удѣлъ нашъ — счастье: *тамъ*.

Довольноль умереть, чтобъ снова возро-
диться?
Нѣтъ къ Вышнему предстань съ невинною
душой,
Отъ тлѣна и страстей умѣй освободиться
предъ жизнью другой.

Жизнь въ смерть преобрати — земная жизнь:
сраженье,
Смерть: лавръ, земля: огонь, въ которой
человѣкъ,

Свергаетъ на всегда земное облаченье,
Окончивъ краткій вѣкъ.

Тогда друзья — тогда, отъ узъ освобожденной,
Пріемлетъ онъ уже награду отъ небесъ —
Простеръ крылѣ — паритъ — онъ тамъ въ сѣни блаженной
И міръ предъ нимъ исчезъ!

Такъ, смертный счастливый, покорный вышней власти
Который суету разсудку подчинилъ,
Который обуздалъ презрительныя страсти,
Законъ и правду чтилъ,

Который низпровергъ безсмертія преграду,
Былъ злобы врагъ, дышалъ и жилъ однимъ добромъ,
Страдалецъ пра[illegible]
Божественнымъ вѣнцомъ;

Но тотъ, кто ложный блескъ обманчивыхъ мечтаній
Священной истинѣ безумно предпочёлъ,

Кто чувственности рабъ, въ юдоли испытаній
Стезей невѣрной шёлъ,

Кто въ вихрѣ суеты — забавъ и наслажденій,
Въ порочномъ торжествѣ — какъ Леда, утопалъ,
Кто неба гласъ, среди грѣховныхъ упоеній,
И совѣсть заглушалъ:

О други! никогда тотъ смертный злочестивый
Земныхъ своихъ оковъ не можетъ сокрушить;
Разрушится надъ нимъ гнѣвъ Бога справедливый —
По смерти будетъ жить!

Какъ жалостная тѣнь преступной Арахнеи,
Вкругу своихъ дѣтей, страдать осуждена —
И неразлучны съ ней — сыны ея злодѣи,
И мучится она.

Такъ точно и душа преступника земнаго
Подвергнется навѣкъ сей горестной судьбѣ —

Не къ Богу возпаритъ, но съ тѣломъ будетъ
снова
Въ мучительной борьбѣ. —

Умолкъ. . . . . Сомнительный Цебесъ прервалъ
молчанье:
»Сократъ, вѣщаетъ онъ — пріятно для меня
На вѣчность и на судъ небесный упованье,
Безсмертью вѣрю я —

Согласенъ я, что жизнь: ничтожное мгновенье.
Тому примѣромъ все, тому примѣромъ ты;
Но дай на мой вопросъ правдивое рѣшенье —
Я въ безднѣ темноты.

Ты рекъ: душа живетъ за дверью гробовою. —
Но естьли въ факелѣ свѣтильникъ догорѣлъ,
То гдѣ огонь? — куда съ послѣднею струею —
Сей пламень отлетѣлъ?

Свѣтильникъ и огонь все вмѣстѣ исчезаетъ—
Душа, безсмертіе — не разны, а одно —

Безсмертье, какъ огонь отъ тѣла отлетаетъ —
И послѣ гдѣжъ оно?

Иль такъ сравнимъ: душа, для чувственнаго тѣла,
Нужна какъ арфѣ звукъ. — Отъ времени и лѣтъ —
Разрушилась она, разбилась и истлѣла, —
Гдѣжъ звукъ, коль арфы нѣтъ?«

Съ уныніемъ въ очахъ, съ поникшими главами,
Внимали мудрецы Цебесовымъ словамъ —
И мнили: » правъ Цебесъ — и все подъ небесами
Готовится червямъ.

Все будетъ жертвою земли и разрушеній,
Гдѣ звукъ, коль арфы нѣтъ? Гдѣ ждать вѣнца наградъ?« —
..... И мнилось, ожидалъ небесныхъ вдохновеній
И генія Сократъ.

Какъ старецъ на пиру весельемъ оживленный,
Какъ солнце, просіявъ въ туманныхъ высо-
тахъ,
Изрекъ ему отвѣтъ страдалецъ незабвенный
Въ божественныхъ словахъ:

— Друзья мои! огонь ничтожное сравненье,
Съ лучемъ Всевышняго — съ безсмертною
душой —
Съ душой и бренностью такоежъ съединенье,
Какъ съ небомъ и землёй.

Душа есть чистый свѣтъ, всевидящее око,
Предъ коимъ въ жизни сей нескрыто ничего,
Все зритъ душа — и здѣсь, и въ вѣчности
глубокой —
Она душа всего.

Рожденье, красоту и смерть земнаго свѣта, —
Все чувствуетъ она, — но только внѣ себя;
Предъ нею будущность туманомъ не одѣта,
Предъ ней всегда заря.

Исчезнетъ все — она какъ время непремѣнна, —
Гдѣ смерть: ей жизнь. — Гдѣ мракъ: ей
свѣтъ. — Всегда жива —
Исчезнутъ свѣтъ и тьма — разрушится все-
ленна —.
Не рушится она.

Ты мнишь: душа для чувствъ есть арфы
звукъ согласной;
А арфа будетъ прахъ отъ времени и лѣтъ.
Небесъ! не льстись мечтой и ложной и опа-
сной:
Душѣ предѣла нѣтъ:

Судьба земныхъ вещей ничтожна, быстротечна,
Но тайною душой, но нами движетъ Богъ.
Перстъ Божій: звукъ души, какъ Богъ душа
безвѣчна, —
Безсмертенъ я!... Восторгъ! —

И между тѣмъ уже румяное свѣтило
На западѣ текло во блескѣ красоты —
И кроясь въ волнахъ печально золотило
Гимета высоты.

Спѣшили къ берегамъ бѣлѣя парусами
Укромныя ладьи веселыхъ рыбарей —
И съ радостными ихъ сливаясь голосами
Пѣлъ въ рощѣ соловей —

И ближе пастуховъ свирѣли раздавались,
И счастливыхъ людей — отрада и покой
Въ темницѣ мудреца—съ тоской согласовались
Какъ отблескъ свѣта съ тьмой.

МОРЕ.

Я видѣлъ море — я измѣрилъ
Очами жадными его:
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ.
О море, море! — я мечталъ,
Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ,
Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоемъ высокомъ?
Кто, неразгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ? . . .

. . . .

Всегда ли, море, ты почило

Въ скалахъ, висящихъ надо мной?
Или невѣдомая сила,
Враждуя съ мирной тишиной,
Не разъ твой образъ измѣнила?
Что ты? откуда? изъ чего?
Игра случайная природы,
Или орудiе свободы,
Воззвавшей всё изъ ничего?...
Надолго ль влажная порфира
Твоей безстрашной красоты —
Осуждена блистать для мiра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты?...

Вотъ тайный плодъ воображенья
Души, волнуемой тоской
За мигъ невольный восхищенья
Передъ пучиною морской!...
Я вопрошалъ её.... Но море,
Подъ знойнымъ солнечнымъ лучемъ,
Сребрясь въ узорчатомъ уборѣ,
Межъ тѣмъ лелѣялось кругомъ
Въ своемъ покоѣ роковомъ.
Черезъ разсыпанныя волны,

Катились груды новыхъ волнъ
И между нихъ отваги полный
Нырялъ предъ бурей утлый челнъ.
Счастливецъ, знаешь ли ты цѣну
Смѣшнаго счастья твоего?
Смотри на челнъ — ужъ нѣтъ его:
Въ отвагѣ онъ нашелъ измѣну!..

Въ другое время на брегахъ
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ;
Но тѣ мечты мнѣ сладки были:
Онѣ привѣтно сквозь туманъ,
Какъ за волной волну, манили
Меня въ житейскій океанъ.
И я поплылъ... О море, море!
Когда увижу берегъ твой?
Или, какъ челнъ залетный, вскорѣ
Сокроюсь въ безднѣ гробовой?

ВОДОПАДЪ.

Между стремнинъ съ горы высокой
Ручьи прозрачные журчатъ
И, вдругъ сливаясь въ токъ широкой,
Являютъ грозный водопадъ;
Громады волнъ буграми хлещутъ
Въ паденьи быстромъ и крутомъ,
И разлетѣвшись ярко блещутъ
Вокругъ серебрянымъ дождемъ;
Реветъ и стонетъ гулъ протяжной
По разорвавшейся рѣкѣ
И, исчезая съ пѣной влажной,
Смолкаетъ глухо вдалекѣ.
Вотъ наша жизнь! Вотъ образъ вѣрной
Погибшей юности моей!
Она въ красѣ нелицемѣрной
Сперва катилась, какъ ручей;

Потомъ въ пылу страстей безумныхъ
Быстра, какъ горный водопадъ,
Исчезла вдругъ при плескахъ шумныхъ,
Какъ эха дальняго разкатъ.
Шуми, шуми, о сынъ природы,
Ты, безотрадною порой,
Пѣвцу напомнилъ блескъ свободы
Своей свободною игрой!

ЗЛОБНЫЙ ГЕНІЙ.

(*Изъ Ламартина*).

Когда задумчивый, унылой,
Сижу съ тобой наединѣ,
И непонятной движимъ силой,
Лью слезы въ сладкой тишинѣ;
Когда во мракѣ густаго бора
Тебя влеку я за собой;
Когда въ восторгахъ разговора
Въ тебя вселяюсь я душой;
Когда одно твое дыханье
Плѣняетъ мой ревнивый слухъ;
Когда любви очарованье
Волнуетъ грудь мою и духъ;
Когда главою на колѣна
Ко мнѣ ты страстно припадешь
И кудри пышныя гебена
Съ небрежной нѣгой разовьешь,

И я задумчиво покою
Мой взоръ въ огнѣ твоихъ очей :
Тогда невольною тоскою
Мрачится рай души моей.
Ты окропляешь въ умиленьи
Слезой горючею меня ;
Но и въ сердечномъ упоеньи ,
Въ восторгѣ чувствъ страдаю я.
»О мой любезный ! ты ли муки
»Мнѣ неизвѣстныя таишь ?
Вокругъ меня обвивши руки ,
Ты мнѣ печально говоришь ,
»Прошу за страсть мою награды !
»Открой мнѣ, милый , скорбь твою !
»Бальзамъ любви , бальзамъ отрады
»Тебѣ я въ сердце излію.«
Не вопрошай меня напрасно
Моя владычица. . . . . !
Люблю тебя сердечно , страстно ,
Никто сильнѣй любить не могъ !
Люблю — но змій мнѣ сердце гложетъ ,
Вездѣ ношу его съ собой ,
И въ самомъ счастіи тревожитъ
Меня какой-то Геній злой.

Онъ, онъ — мечтой непостижимой, —
Меня навѣкъ очаровалъ
И мой покой ненарушимой
И нить блаженства разорвалъ;
»Пройдетъ любовь, исчезнетъ радость,«
Онъ мнѣ язвительно твердитъ,
»Какъ запахъ розъ, какъ вѣтеръ, младость
»Съ ланитъ цвѣтущихъ отлетитъ.«

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Который демонскою силой,
Враждуя съ темною могилой,
Живётъ и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полуночи молчаливой,
При свѣтѣ сумрачномъ луны,
Изъ подземельной стороны
Изходитъ призракъ боязливой.
Блѣдно, какъ саванъ роковой,
Чело отверженца природы,
И неестественной свободы
Ужасенъ видъ полуживой.
Унылый, грустный онъ блуждаетъ
Вокругъ жилища своего,
И очарованъ — за него
Переноситься не дерзаетъ.
Слѣды минувшихъ, лучшихъ дней
Онъ видитъ въ мысли быстротечной,

Но мукой тяжкою и вѣчной
Наказанъ въ ярости своей.
Проклятый небомъ раздраженнымъ,
Онъ не пріемлется землёй,
И овладѣлъ мучитель злой
Злодѣя прахомъ оскверненнымъ.
Вотъ мой удѣлъ, — игра страстей,
Живой стою при дверяхъ гроба,
И скоро, скоро месть и злоба
Навѣкъ уснутъ въ груди моей!
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня —
И, членъ ненужный бытія,
Не оскверню собой природы!
Мнѣ міръ — пустыня, гробъ — чертогъ!
Сойду въ него безъ сожалѣнья,
И пусть за мигъ ожесточенья
С. . . . . у судитъ Богъ!

ОЖЕСТОЧЕННЫЙ

О, для чего судьба меня сгубила!
Зачѣмъ изъ цѣпи бытія
Меня навѣкъ природа изключила,
И страшно вживѣ умеръ я!
Еще въ груди моей бунтуетъ пламень
Неугасаемыхъ страстей,
А совѣсть, какъ врага заклятый камень,
Гнетётъ отверженца людей!
Еще мой взоръ, блуждающій, но быстрый
Порою къ небу устремленъ,
А Божества святой, отрадной искры,
Надежды съ вѣрой я лишенъ!
И дышетъ всё въ созданіи любовью,
И живы — червь и прахъ и листъ,
А я, злодѣй, какъ Авелевой кровью
Запечатлѣнъ! . . . .
И вижу я, какъ горестный свидѣтель,
Сіянье утренней звѣзды,

И съ каждымъ днемъ, твердитъ мнѣ добродѣтель:
»Страшись, страшись готовой мзды!« . . .
И грозенъ онъ, висящей казни голосъ,
И стынетъ кровь во мнѣ какъ лёдъ,
И на челѣ стоитъ невольно волосъ,
И выступаетъ градомъ потъ!
Бѣжалъ бы я въ далекія пустыни,
Презрѣлъ бы ужасъ гробовой!
Душа кипитъ — но руки не рабыни
Разбить сосудъ свой роковой!
И жизнь моя мучительнѣе ада,
И мысль о смерти тяжела!
А вѣчность! ахъ. . . она мнѣ не награда, —
Я сынъ погибели и зла!
Зачѣмъ же я возникъ, о Провидѣнье,
Изъ тьмы вѣковъ передъ тобой?
О, обрати опять въ уничтоженье
Атомъ караемый судьбой!
Земля, разкрой несытую утробу,
Горящей Этной протеки,
И, бурный вихрь, тоску мою и злобу
И память съ пепломъ развлеки!

ПРОВИДѢНІЕ ЧЕЛОВѢКУ.

(*Изъ Ламартина*).

Не ты ли, о мой сынъ, возсталъ противъ меня?
Не ты ли порицалъ мои благодѣянья
И, очи отвраша отъ прелести созданья,
Проклялъ отраду бытія?

Еще ты въ прахѣ былъ, безумецъ своенравный,
А я уже радѣлъ о счастіи твоемъ,
Растилъ тебя, какъ плодъ, и въ промыслѣ святомъ
Тебѣ удѣлъ готовилъ славный.

Въ Совѣтѣ вѣковомъ твой вѣкъ образовалъ,
И времена текли моимъ произволеньемъ,

И рекъ я появись, и чистымъ наслажденьемъ
Почти мой горній Трибуналъ!

И ты возникъ. Мое благое попеченье
Не обрекло тебя игралищемъ судьбѣ;
Огнемъ моихъ очей посѣялъ я въ тебѣ
Съ началомъ жизни вдохновенье.

Изъ груди я воззвалъ млеко твоимъ устамъ,
И сладко ты прильнулъ къ источнику любови,
И ты впивалъ въ себя и жаръ и силу крови,
И свѣтъ мелькнулъ твоимъ очамъ.

И — искра Божества подъ бреннымъ покры-
валомъ —
Свободная душа невидимо зажглась,
Младенческая мысль словами излилась
И имя *Богъ* служило ей началомъ.

Въ какомъ великомъ торжествѣ
Передъ тобой оно сіяло!
Вездѣ и все напоминало
Тебѣ о тайномъ Божествѣ.

На небѣ въ солнцѣ лучезарномъ
Мое величье ты читалъ;
Когдаже съ чувствомъ благодарнымъ
На землю очи обращалъ,
То всюду зрѣлъ мои дѣянья,
Во всей красѣ благодѣянья;
Въ природѣ— зрѣлъ ты образъ мой,
Въ порядкѣ — Предопредѣленье,
Въ пространствѣ міра—Провидѣнье,
Въ судьбѣ послушной и слѣпой —
Мое могущее велѣнье.

И ты почтилъ во мнѣ Царя
Твоихъ душевныхъ наслажденій,
И, то забывшись, то горя
Огнемъ пріятныхъ впечатлѣній,
Въ своей невинной простотѣ
Ты шелъ къ таинственной метѣ;
Но между тѣмъ, какъ грозный опытъ
Твой свѣжій умъ окаменялъ,
Ты произнесъ безумный ропотъ,
Ты укорять меня дерзалъ.
Душа твоя одѣта мглою,
Чело блѣднѣе мертвеца,

И ты, терзаясь думой злою,
Уже не вѣруешь въ Творца.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Умолкни гордое мечтанье!
Я начерталъ тебѣ законъ,
Но для меня ничтоженъ онъ.
О, какъ велико разстоянье
Передъ тобою: мигъ одинъ —
Я милліоновъ властелинъ!
Когда спадутъ передъ тобою
Покровы мудрости моей,
Тогда измученный борьбою
Недоумѣній и страстей,
Ты озаришься совершенствомъ
Неизрѣченной правоты,
И вкусишь съ праведнымъ блаженствомъ
Отъ чаши благъ и доброты;

Познаешь горняго участья
Дотолѣ скрытые плоды,
И миновавшія несчастья
Благословишь въ восторгѣ ты.

Но ропотъ не умолкъ въ душѣ ожесточенной,
Ты жаждешь до временъ узрѣть великій день
И дивный вертоградъ Всевышнимъ насажденный,
Гдѣ никогда ночная тѣнь
Не омрачитъ святую сѣнь.

Безумный! малый свѣтъ и темнота ночная
Вожатые къ нему. Надѣйся и иди,
Природу и меня постигнуть не дерзая;
Подобно ей мои пути
Слѣпой покорностью почти.

Открылъ ли я землѣ законы управленья?
Свирѣпый океанъ, великій царь морей,
Окованъ навсегда десницею моей,
И, въ часъ урочнаго явленья,
Онъ, силой бурнаго стремленья,

Наводитъ ужасъ потопленья,
И снова хлынетъ отъ степей.
И — тѣнь моихъ лучей въ лазури необъятной —
Узналъ ли этотъ шаръ законъ моихъ путей?
Кудабъ онъ полетѣлъ безъ помощи моей?

Кончая подвигъ благодатной,
Улыбкой тихой и пріятной
Не обѣщаетъ онъ обратно
Заутра радужныхъ огней.

И царствуетъ вездѣ порядокъ неразрывной:
Я утромъ возбужу вселенную отъ сна,
И вечеромъ взойдетъ сребристая луна.
И вотъ изъ тишины пустынной
Она, на голосъ мой призывной,
Стремится съ легкостію дивной
И ночи мгла озарена.

А ты, прекрасное творенье,
Кого создалъ для неба я,
Ты впалъ въ ужасное сомнѣнье
О мудрой цѣли бытія.

Ты, человѣкъ и царь вселенной,
Дерзнулъ роптать — и на кого?
Ты смѣлъ въ душѣ ожесточенной
Хулить Владыку своего!
Я твой Владыко — благодѣтель,
Моя святая добродѣтель
Тебя спасаетъ и хранитъ,
Я твой незыблимый гранитъ.
Не мнишь ли ты, что въ мракѣ ночи
Я беззаботно опочилъ?
О нѣтъ! внимательныя очи
Я съ дѣйствій міра не сводилъ.
Моря въ волненіи суровомъ,
Летучій прахъ и вѣтровъ стонъ,
Всё движу я великимъ словомъ,
Всему въ природѣ есть законъ.
Иди съ свѣтильникомъ надежды
За Провидѣніемъ во слѣдъ,
Ты не умрёшь, смыкая вѣжды,
Тебѣ за гробомъ новый свѣтъ!
И знай, правдиво Провидѣнье,
Въ его путяхъ обмана нѣтъ.
Зари румяной возхожденье,
Природы цѣлой увѣренье

Твердятъ объ немъ изъ вѣка въ вѣкъ,—
Одинъ не вѣритъ человѣкъ.
Но брось, о смертный, безнадѣжность,
Моя родительская нѣжность
Твое сомнѣнье постыдитъ;
И за безумное роптанье
Свое преступное созданье
Любовью вѣчной наградитъ.

ПРОВИДѢНІЕ.

Я погибалъ. . .
Мой злобный Геній
Торжествовалъ! . . .
Отступникъ мнѣній
Своихъ отцовъ,
Врагъ утѣсненій,
Какъ Царь духовъ,
Въ душѣ безбожной
Надежды ложной
Я не питалъ,
И изъ Эреба
Мольбы на Небо
Не возсылалъ.
Мольба и вѣра
Для Люцифера
Не созданы, —
Гордынѣ смѣлой
Онѣ смѣшны.

Злодѣй созрѣлый,
Въ виду смертей,
Въ когтяхъ чертей,
Всегда́ злодѣй.
Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окаменёнъ,
Какъ хладный камень,
Ожесточёнъ,
Какъ сѣрный пламень,
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній.
Мой злобный Геній
Торжествовалъ!
Печать проклятій, —
Удѣлъ моихъ
Подземныхъ братій,
Тирановъ злыхъ
Себя самихъ, —
Уже клеймилась
Въ моемъ челѣ,

Душа ко мглѣ
Уже стремилась. . . .
Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Встрѣчалъ я тѣнь,
И въ думѣ лютой
Все рѣшено,
Еще минута
И. . . свершено! . .
Но, вдругъ нежданый
Надежды лучь,
Какъ свѣтъ багряный,
Блеснулъ изъ тучь:
Какой-то скрытой,
Но мной забытой
Издавна Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлёкъ! . .
Рукою сильной

Остовъ могильной
Вдругъ оживилъ, —
И Каинъ новой
Въ душѣ суровой
Творца почтилъ.
Непостижимый,
Неотразимый,
Онъ снова влилъ
Въ грудь атеиста
И лжесофиста
Огонь любви!
Онъ снова дни
Тоски печальной
Озолотилъ
И озарилъ
Зарей прощальной!
Гори жь, сіяй,
Заря святая!
И догорай,
Непомеркая!

РОКЪ.

Зари послѣдній лучь угасъ
В природѣ усыпленной,
Протяжно бьетъ полночный часъ
На башнѣ отдаленной.
Уснули радость и печаль
И всѣ заботы свѣта,
Для всѣхъ таинственная даль
Завѣсой тьмы одѣта.
Все спитъ. . . . одинъ свирѣпый рокъ
Чуждъ мира и покоя,
И столько жъ страшенъ и жестокъ
Въ тиши, какъ въ вихрѣ боя.
Ни свѣжей юности красы,
Ни блескъ души прекрасной
Не избѣгутъ его косы,
Нежданной и ужасной!
Онъ любитъ жизни бурный шумъ,
Какъ любятъ ревъ потока,

Или какъ любитъ дѣтскій умъ
Игру Калейдоскопа.
Предъ нимъ равны — рабы, Цари,
Онъ шутитъ надъ Султаномъ,
Равно, какъ шучивалъ Али
Янинскій надъ Фирманомъ.
Онъ восхотѣлъ и Крезъ избѣгъ
Костра при грозномъ Кирѣ,
И Киръ, уснувъ на лонѣ нѣгъ,
Возсталъ въ подземномъ мірѣ.

ЦѢПИ.

Зачѣмъ игрой воображенья,
Картины счастья рисовать;
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной разтравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ,
Я вяну жертвою страстей. . . .

. . . .

. . . .

Я зрѣлъ: надежды лучь прощальный
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ,
И факелъ смерти погребальный,
Съ тѣхъ поръ горитъ въ моихъ очахъ!
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода,
Всё, всё погибло для меня!
Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,

Влачу я цѣпь моихъ страданій
И умираю ночь и день!
Порою огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ,
Съ снѣдающей меня могилой,
Борюсь какъ будто бы во снѣ!

. . . .

. . . .

. . . .

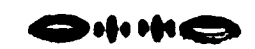
. . . .

Уже рукой ожесточенной,
Берусь за пагубную сталь,
Уже разсудокъ мой смущенной
Забылъ и горе и печаль! . . .
Готовъ! . . Но цѣпь порабощенья,
Гремитъ на скованныхъ ногахъ. . . .

. . . .

. . . .

Какъ рабъ изпуганный, бездушной,
Кляну свой жребій я тогда,
И. . . вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

ВЪ ПАМЯТЬ БЛАГОТВОРЕНІЙ

АЛЕКСАНДРА 1го

ИМПЕРАТОРСКОМУ Московскому Университету. (*)

Восторгъ, восторгъ, питомцы музъ!
Въ сей день благословенный
Наукъ и счастія союзъ
Мы празднуемъ священный!
Къ благимъ летите небесамъ
Обѣты и моленье!
Курись душевный фиміамъ
Тебѣ, Благотворенье!
Какъ розовый перстъ
Младой Авроры

(*) Стихи, произнесенные при воспоминаніи дня основанія Московскаго Университета, 12 Января 1826 года.

Небесныхъ звѣздъ
Блестящи хоры
Вдоль мрака женетъ ;
Какъ въ небѣ течетъ
Златая денница
Изъ недръ темноты ;
Такъ точно и Ты,
Богиня-Царица ,
Великаго дщерь,
Могущей рукою
Отверзла намъ дверь
Къ наукамъ , покою !

Пріяла скипетръ Елисавета
Съ улыбкой величавой ,
И возсіялъ изъ ночи свѣтъ ,
И Россъ вѣнчался славой !

Какъ Фебъ златордяный
На небѣ блеститъ
И утра туманы
Лучами златитъ :

Такъ ты, Героиня
Душа Россіянъ!
Какъ свѣта Богиня
Послѣдній туманъ
Съ Полночи прогнала,
И счастье узнала
Россія съ Тобой —
Міръ, славу, покой.

»Да будетъ счастливъ мой народъ!«
Рекла Екатерина,
И Россъ подвинулся въ передъ
Шагами исполина!...

Какъ солнце, скрываясь
Въ пучинѣ морей,
И тамъ разливаясь
Рѣками лучей,
Горитъ во вселенной
Румянымъ огнемъ:
Монархъ незабвенной
Въ полкругѣ земномъ,
Какъ Геній хранитель —

Познаній любитель, —
Науки живилъ!....

Увы! и гробъ Его сокрылъ!....
Восплачь, восплачь о Музъ соборъ!
Гдѣ Александръ, вашъ Фебъ, отрада?...
Гдѣ оживляющій сей взоръ? —
Гдѣ вождь къ добру, — добра награда?...

Какъ послѣ громовъ
И яростной бури,
Среди облаковъ,
Въ прозрачной лазури,
Румяное вновь
Свѣтило восходитъ,
И снова приводитъ
Все въ радость, въ любовь:
Такъ миръ водворяетъ
Надежда-Монархъ
И вновь воцаряетъ
Блаженство въ серцахъ.

Ликуй, о Музъ блаженный сонмъ!
Восторгъ! о чада вертограда!

Подъ Николаевымъ щитомъ
Цвѣтетъ вамъ сила и отрада !
Къ благимъ летите Небесамъ
Обѣты и моленье !
Курись душевный фиміамъ
Тебѣ, Благотворенье ! . .

ГЕНІЙ (*).

Кто сей великій, мощный духъ,
Одѣянъ ризой свѣта рдяной,
Лучи златые сѣя вкругъ,
Быстрѣе молній, бури рьяной,
Парящій гордо къ высотамъ? . . .
Я зрѣлъ: возникнувши изъ праха,
Въ укоръ ничтожества сынамъ,
Онъ разорвалъ оковы страха,
Предѣлы тѣсные уму;
И, бросивъ взоръ негодованья
Окрестъ на дикость, слабость, тьму,
На сонъ прекраснаго созданья,

(*) Читано въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Іюля въ 3 день 1826 года.

Вѣщалъ: *я живъ! — я человѣкъ!*
Я нераздѣленъ съ небесами! . . . .
И глубь эѳирную разсѣкъ
Одушевленными крылами! —
Вотъ онъ, божественный летитъ!
Надежды смѣлой, славы полный,
И долу восклаияясь, зритъ
Съ улыбкой землю, моря волны! —
Уже онъ *тамъ* — достигъ небесъ, —
Уже незримъ въ дали туманной; —
И яркій слѣдъ его исчезъ,
Какъ вѣтръ долинъ благоуханной,
Какъ метеоръ во мглѣ ночной,
Какъ память дивныхъ впечатлѣній! . . . .
Ктожъ онъ? — Сей странникъ неземной? —
То сильный умъ, блестящій Геній! . . .

Разкройся Древность предо мной!
Разсѣйтесь зависти навѣты! —
Предъ взоромъ Истины святой
Его явите мнѣ полеты! . . . .

О Геній жизни, свѣта, благъ!
Не ты-ль Того изобразитель,

Кто — и въ пространствахъ и вѣкахъ, —
Непостигаемый Зиждитель,
Единымъ словомъ оживилъ,
Воздвигъ сей міръ изъ мертвой бездны; —
Того, Кто въ тверди укрѣпилъ
Во время ночь и день надзвѣздный; —
Того, Чья Творческая длань
Стези свѣтиламъ устрояетъ,
Намъ миръ даритъ, низводитъ брань,
Возноситъ Царства, унижаетъ,
Владѣетъ волею сердецъ,
Какъ моря шумными волнами? —
Всего великаго отецъ,
Неограниченный лѣтами,
Ты чуждый золъ, препонъ, суетъ,
И непричастный заблужденій! —
О, Геній дивный, кто сочтетъ
Твоихъ всѣ виды измѣненій? —
Кто спишетъ образы твои,
Въ которыхъ — рѣдкій даръ судбины,
Многоразличный, но единый,
Излить на міръ дары свои
Низходишь непостижно долу,
Краса и блескъ земнымъ сынамъ,

Народу слава, честь умамъ,
Мечу и плугу и престолу! . . . .
Кто мощь твою постигнуть смѣлъ,
Означилъ способы и сроки,
И меты тайныя предѣлъ,
И путь твой новый и высокій? —
Богатый въ средствахъ такъ какъ Богъ,
Летучій, быстрый, какъ свобода,
Неизтощимый, какъ природа,
Течетъ творенія въ чертогъ,
Ея чудесный подражатель,
Ея сокровищь обладатель! . . . .

Тамъ — горняго восторга полнъ,
Въ минуты сладкихъ вдохновеній,
Приникнувъ слухомъ къ шуму волнъ,
Къ порывамъ облачныхъ смятеній,
Къ трясущимъ твердь небесъ громамъ,
И къ гуламъ труса разъяренныхъ,
И къ тихоплещущимъ ключамъ,
И къ стонамъ горлицы смиренныхъ
И къ трелямъ сладкимъ соловья, —
Беретъ свою златую лиру;

Гремитъ! . . . О чудо! — Гдѣ, гдѣ я? . . .
Я чуждъ вещественному міру;
Я слышу въ трепетныхъ струнахъ:
Свирѣпыхъ ярость, слабыхъ страхъ,
Страстей пылающихъ боренья,
Раздоръ народовъ, битвы кликъ,
Любви и дружества мученья
И сердца нѣжнаго языкъ! . . . .
О даръ гармоніи священной!
О хоръ божественныхъ пѣвцовъ
Благотворителей вселенной! . . . .
Вожди семействъ, творцы градовъ,
Вы дали смертнымъ духъ и нравы,
И доблесть низвели съ небесъ. . . .
Глашатаи безсмертной славы,
Пророки сѣверныхъ чудесъ,
Поютъ *Державинъ*, *Ломоносовъ*,
И отдаленнымъ временамъ
Вѣщаютъ о побѣдахъ Россовъ! . . . .
Послушны Генія мечтамъ,
Животворятся скалы мертвы; —
Металъ и мраморъ предстаютъ
Любви народной въ память, въ жертвы, —
Потомству позднему на судъ! —

Восхощетъ: — полотно вдругъ дышетъ,
И мысль, и чувство во плоти, —
Зари играютъ, пламень пышетъ,
И молній рѣются пути! —
И самая Непостижимость,
Подъ кистію его живой,
Небесную пріемлетъ зримость
Для очарованныхъ душой!...

Тамъ сходитъ онъ, испытный зритель,
Въ подземный міръ, въ Плутоновъ домъ;
Природы тайнъ распорядитель,
Даритъ насъ злапомъ и сребромъ;
Тамъ водъ преуглубляясь въ бездны,
Являетъ новы царства намъ;
Тамъ обтекая круги звѣздны,
Даетъ законы онъ мірамъ!
Съ Линнеемъ, съ выспреннимъ Бюффономъ
Хозяйствуетъ въ ея садахъ;
Или съ божественнымъ Невтономъ,
Дѣлитъ свѣтъ солнечный въ лучахъ!
Съ Франклиномъ, дерзостный, отъемлетъ
У молній крыла, гаситъ громъ;

Трезубецъ у Нептуна вземлетъ
И бури тяготитъ ярмомъ: —
Огнь, воздухъ, и земля, и воды
Его сознаютъ всюду мощь!...
Склонитесь передъ нимъ, народы!...
Невѣжества разсѣявъ нощь,
Препоны дикости поправый,
Вотъ онъ, — *Помпилiй — Пиѳагоръ*;
Какъ органъ вышнія Державы,
Съ таинственныхъ низходитъ горъ,
Дубовой вѣтвiю вѣнчанный:
»Примите, чада, мой завѣтъ! —
»Возстань господствовать, Избранный,
«Любви божественной клевретъ;
»Взаимность, польза, трудъ и нужды,
»Въ союзъ сплетитеся святой! —
»Гдѣ Вѣра, Богъ — тамъ смертнымъ чужды
»Вражда, алчба, раздоръ слѣпой! —
»Возстановитесь царства, троны,
»И будь основа имъ — *Законы!*«....
Изрекъ, и на олтарь сердецъ
Священны возложилъ скрыжали;
Снизшелъ гармонiи творецъ, —
И дни блаженства просiяли!...

Но вотъ, какъ бурныя моря,
Сыны безумія смутились;
Текутъ, неистовствомъ горя,
Противъ царей совокупились! —
Законы, троны пали въ прахъ! —
Повсюду смерть и разрушенье!...
Гдѣ, гдѣ, Небесъ благословенье,
Гдѣ *Геній* мира?... Битвъ въ поляхъ?...
Не бойтесь, съ вами, съ вами Сильный! —
Во броню Правды облеченъ,
Любовью, Вѣрой укрѣпленъ,
И духа силою обильный,
Течетъ, какъ пламень по лугамъ,
Какъ громъ разкатный по горамъ,
Какъ буря въ безднахъ воспаленна!...
Суворовъ здѣсь, — и Альповъ нѣтъ!...
Кутузовъ тамъ — молчитъ геенна,
И злобы сокрушенъ навѣтъ!...
О день! — о подвиги святые!
День человѣчества всего!...
Кто сохранитъ плоды златые
Успѣха, Геній, твоего?...
Ты самъ, Ты, Геній благотворный! —
Вотъ мечь оливою обвивъ,

Единымъ небесамъ покорный,
Земнаго сердце устранивъ,
Священны узы укрѣпляетъ,
Любовь и дружество живитъ,
Царей въ совѣтахъ предсѣдаетъ,
Съ безсмертнымъ смертное миритъ! —
Предъ Божьимъ олтаремъ — Свѣтило,
Пророкъ могущій средь людей; —
Въ судахъ — одѣтый свыше силой,
Безстрастный судія страстей; —
Мудрецъ — въ тиши уединенья,
Рачитель нравовъ правоты;
Врагъ буйной разума мечты,
И другъ прямаго просвѣщенья!...
Царица всѣхъ добротъ земныхъ,
Величіе талантовъ, знаній, —
О *Правота!* — вѣнецъ благихъ! —
Твердыня мудрыхъ начинаній!...
Въ какой странѣ, въ какихъ вѣкахъ
Ты не была превозносимой! —
Въ какихъ чувствительныхъ сердцахъ,
Ты не была боготворимой! —
Пускай безтрепетный Герой,
Въ кровавыхъ битвахъ знаменитый,

Гремитъ невѣрною молвой,
И мечь свой лавромъ перевитый
Во храмъ торжествъ, честей несетъ; —
Коль къ смертнымъ чуждъ былъ состраданья
Что̀ Правота о немъ речетъ? —
Не хвалъ достойный — наказанья,
Герой, низвергни мечь твой въ прахъ!..
Пускай властитель сей надменный,
Съ грозой карающей въ рукахъ,
Гнететъ народы имъ плѣненны! —
Какой отъ Правды приговоръ? —
Онъ былъ злодѣй, гласитъ потомство,
И вѣчный, гибельный позоръ
Накажетъ лесть и вѣроломство!
Пускай блестящій лжемудрецъ,
Стезей змѣяся ухищренной,
Присвоитъ самъ себѣ вѣнецъ
Къ стыду обманутой вселенной:
Ты ложный Геній! Правота
Ему речетъ свой судъ нельстивой!
И гдѣ твой блескъ и красота
Вѣнецъ Лжегенія кичливой?....
Такъ, Божій гласъ, — ты возгремишь
Умамъ коварнымъ въ наказанье,

И ложь и злобу обличишь! . . . .
Лишь Правота — умовъ сіянье! . . .
Смотрите: тамъ, какъ бурный вѣтръ
Несется средь пустынь, сквозь тучи,
Великихъ вождь, великій Петръ,
Преобразитель нашъ могучій! —
Какъ звѣзды свѣтлыя въ вѣкахъ
Горятъ благихъ Мужей дѣянья:
Катоновъ, Долгорукихъ прахъ
Кропимъ слезой воспоминанья! . . .
Реветъ, волнуяся Скамандръ,
Но не потопитъ Ахиллеса:
Угасъ для міра Александръ! —
Но въ храмѣ вѣчности завѣса
Предъ Нимъ, какъ небо, раздралась,
И радуга безсмертной славы
Съ Его кончиной разлилась
По тучамъ Сѣверной державы! . . .

»Ты живъ, краса земныхъ царей;
»Ты намъ воскресъ, Благословенный!«
Какъ гулъ торжественный морей,
Гремитъ правдивый гласъ вселенной. —

Монархъ любви и правоты
На тронѣ Россовъ воцарился;
Иль ты съ небесной высоты
Къ намъ въ Николаѣ ниспустился! . . .
Питомцы счастливыхъ наукъ,
Къ добру исполненные рвенья!
Монархъ — талантовъ юныхъ Другъ! —
Вѣнцы любимцамъ просвѣщенья! . . .
Пылайте души и сердца
Къ Нему любовью благодатной:
Теките всѣ передъ Отца,
Какъ рѣки въ тишинѣ отрадной! . . . .
Пройдетъ земная лѣпота,
Исчезнутъ козни вѣроломства; —
Но душъ великихъ красота
Воскреснетъ въ памяти потомства;
Почтутъ правдиваго Царя
Святою мздой благословеній,
И грянетъ Русская земля:
Хвала Тебѣ, нашъ добрый Геній! . . .

ВОСТОРГЪ.

(*Изъ Ламартина*).

Огонь небесный вдохновенья,
Когда онъ смертныхъ озаритъ
И въ часъ таинственный забвенья
Восторгомъ душу окрылитъ —
Есть пламень бурный, быстротечный,
Губитель доловъ и лѣсовъ,
Которой — сынъ полей безпечный
Зажегъ внезапно средь снѣговъ.
Какъ змій въ листахъ сперва таится —
Едва горитъ — невидѣнъ онъ;
Но дунулъ вѣтръ — и озарится
Багровымъ блескомъ небосклонъ.
Душа моя! въ какихъ видѣньяхъ
Сойдетъ сей пламень на тебя:
Мелькнетъ ли тихо въ пѣснопѣньяхъ
Спокойныхъ, чистыхъ, какъ заря,

Или порывистой струею
По струнамъ арфы пробѣжитъ,
Наполнитъ грудь мою тоскою
И въ сердцѣ радость умертвитъ?
Сойди же грозный иль отрадный,
О вѣстникъ Бога и небесъ! —
Разочарованный и хладный —
Безчувственъ я — не знаю слезъ.
Невинной жертвою несчастья
Еще съ младенчества я былъ;
Ни сожалѣнья, ни участья
Ни отъ кого не заслужилъ. —
Передъ минутой роковою
Мнѣ смерть страдальцу не страшна;
Увы! за пѣснью гробовою
Какъ сонъ разрушится она.

Но смертный живъ иль умираетъ —
Его божественный восторгъ
Какъ гость внезапный посѣщаетъ:
Сей гость, сей духъ — есть самый Богъ.
Съ улыбкой кротости и мира,
Съ невиннымъ, радостнымъ челомъ,

Какъ духи чистые эѳира —
И въ блескѣ славы — не земномъ —
Его привѣтъ благословенный
Мы уготовимся пріять —
Единымъ Богомъ вдохновенны,
Дерзнемъ лицу Его предстать. —

Его перстомъ руководимый,
Израиль зритъ въ тѣни ночной:
Предъ нимъ стоитъ непостижимый
Какой-то воинъ молодой;
Подъ нимъ колеблется долина,
Волнуетъ грудь его раздоръ
И станъ и мышцы исполина,
И полонъ мести ярый взоръ.

И сей и тотъ свирѣпымъ окомъ
Другъ друга быстро обозрѣвъ,
Въ молчаньи мрачномъ и глубокомъ
Они какъ вихрь, какъ гнѣвъ на гнѣвъ,
Стрѣмятся — и вступили въ битву.

Не столь опасно совершить
Стрѣлку невѣрную ловитву,

Иль тигру тигра побѣдить,
Какъ пасть противникамъ во брани.
Нога съ ногой, чело съ челомъ,
Вокругъ раменъ обвивши длани,
Идутъ, вращаются кругомъ,
Всѣ жилы, мышцы въ напряженьи, —
Другъ друга гнутъ къ землѣ сырой. —
И пастырь палъ въ изнеможеньи,
Врага увлекши за собой.
Изъ устъ клубитъ съ досады пѣна,
И вдругъ, собравъ остатки силъ,
Трясетъ атлета и колѣно
Ему на выю наложилъ;
Уже рукой ожесточенной
Кинжалъ убійства онъ извлекъ,
И вдругъ воитель побѣжденной
Его стремительно низвергъ....

Уже рѣдѣлъ туманъ Эреба,
Луны послѣдній лучь потухъ,
Заря алѣла въ сводахъ неба
И съ нимъ боролся... Божій духъ. —

Такъ мы ничто какъ *звукъ согласный*,
Какъ неожиданный восторгъ;
Персту Всевышняго подвластный, —
Мы арфа; ей художникъ — Богъ.
Какъ въ тучахъ ярістныхъ перуны,
Восторгъ безмолствуетъ въ сердцахъ;
Но движетъ Богъ златыя струны,
И онъ летаетъ на струнахъ.

ЮНОСТЬ.

(*Изъ Ламартина*).

О други! сорвемъ-те румяныя розы
Весной ароматною жизни младой,
И время летитъ и напрасныя слёзы,
Увы! не воротятъ минуты златой.
Какъ плаватель робкій грозой устрашенной
И быстро носимый въ пучинѣ валовъ
Готовится къ смерти — и въ думѣ смущенной
Завидуетъ миру домашнихъ боговъ;
И поздно желаетъ бѣды неизбѣжной,
Терзаемый лютой тоской, миновать,
И снова не видя отрады надежной,
Безумецъ дерзаетъ судьбу порицать.
Такъ точно, о други! и старецъ, согбенный
Подъ игомъ недуговъ и бременемъ лѣтъ,

Стремится, пріятной мечтой окриленный,
Къ веснѣ своей жизни — и нѣтъ ее, нѣтъ!
»Отдайте, отдайте мнѣ юные годы
»И младости краткой веселые дни!«
Онъ вопитъ—и тщетно; какъ вихри, какъ воды
Въ туманномъ пространствѣ исчезли они,
И грозные боги не слышатъ моленья.
Онъ розы блаженства срывать не умѣлъ;
Безпечный, не могъ изловить наслажденья,
И цвѣтъ на могилѣ страдальца удѣлъ.
Сорвемъ-те же, други, румяныя розы
Весною цвѣтущею жизни младой,
И время летитъ и напрасныя слёзы,
Увы! не воротятъ минуты златой.

МЕЧТА.

(*Изъ Ламартина*).

Простерла ночь свои крылѣ
  На сводъ небесъ червленный,
Туманы вьются на землѣ.
  Въ сонъ легкій погруженный
На камнѣ дикомъ я сижу
  Въ мечтаніяхъ унылыхъ,
И въ горькой думѣ привожу
  На память сердцу милыхъ.
Вдругъ изъ за черно-сизыхъ тучь
  Серебряной струёю
Съ луны отторгнувшися лучь
  Блеснулъ передо мною.
О, милый лучь, зачѣмъ разсѣкъ
  Ты горніе туманы?

Иль изцѣлитъ мои притекъ
  Неизцѣлимы раны?
Или сокрытыя судьбой
  Повѣдать тайны міра?
О лучь божественный! открой,
  Открой, пришлецъ эѳира:
Или къ несчастливымъ влечетъ
  Тебя волшебна сила,
И снова къ счастью разцвѣтетъ
  Душа моя уныла?
Такъ! я восторгомъ упоенъ
  И мыслію священной!
Не ты ли въ образъ облеченъ
  Души мнѣ незабвенной?
Быть можетъ вьется надо мной
  Духъ милый въ видѣ тѣни,
Быть можетъ ивы сей густой
  Онъ потрясаетъ сѣни.
Ахъ! если это не мечта
  Въ часъ полночи священный,
Носися вкругъ меня всегда,
  О призракъ драгоцѣнный!
Хотя твоимъ полетомъ слухъ
  Мой робкій насладится,

И изнемогшій, скорбный духъ
Внезапно оживится.
Но мѣсяцъ посреди небесъ
Облекся пеленою.
Гдѣ милый лучь мой? онъ исчезъ —
И я одинъ съ мечтою!

ВОСПОМИНАНІЕ.

Исчезли, исчезли веселые дни,
  Какъ быстрыя воды умчались;
Увы! но въ душѣ охладѣлой они
  Съ прискорбною думой остались.
Какъ своды лазурнаго неба мрачитъ,
  Облекшися въ бури, ненастье:
Такъ грусть мое сердце и духъ тяготитъ.
  Полина — отдай мое счастье!
Полина! о Боги! почто я узрѣлъ
  Твои красоты несравненны!
Любовь безъ надежды мой грозный удѣлъ.
  Безумецъ слѣпой, дерзновенный!
Чтобъ видѣть улыбку на милыхъ устахъ,
  Я жертвовалъ каждой минутой,
И пилъ не блаженство въ прелестныхъ очахъ,
  Но ядъ смертоносный и лютой.
Невольно кипѣла горячая кровь
  Въ мечтаніяхъ нѣжныхъ и страстныхъ,

Невольно въ груди волновалась любовь
И пламя желаній опасныхъ.
Пріятное иго почувствовалъ я,
Въ душѣ родилась перемѣна,
Исчезла свобода, подруга моя;
Не могъ избѣжать я отъ плѣна.
Но что, о прекрасная, сталось со мной,
Волшебная прелестей сила!
Когда тебя обнялъ я пылкой рукой,
Когда ты, мой другъ, приклонила
На перси лилейныя робко главу
И въ страсти взаимной призналась
. . . . почто жь я живу?
Минута любви миновалась!
Далеко, Полина — далеко оно,
Восторговъ живыхъ упоенье;
Быть можетъ, навѣкъ и навѣкъ мнѣ одно
Въ награду осталось мученье.
Исчезли, исчезли веселые дни,
Какъ быстрыя воды умчались;
Увы! но въ душѣ охладѣлой они
Съ прискорбною думой остались.

ПОГРЕБЕНІЕ.

Я видѣлъ смерти лютый пиръ —
Обрядъ унылый погребенья:
Младая дѣва вѣчный миръ
Вкусила въ мглѣ уничтоженья.
Ни длинный рядъ экипажей,
Ни черный флёръ и ни кадилы
Въ толпѣ придворныхъ и пажей
За ней тѣснились до могилы.
Ахъ, нѣтъ! простой досчатый гробъ
Несли чредой ея подруги,
И безъ затѣйливой услуги
Шелъ впереди приходскій попъ.
Семейный кругъ и въ день печали
Убитый горестью женихъ,
Среди ровесницъ молодыхъ,
Съ слезами гробъ сопровождали.
И вотъ уже духовный врачъ
Отпѣлъ послѣднюю молитву,

И вотъ сильнѣе вопль и плачь. . :
И смерть окончила ловитву!
Звучитъ протяжно звонкій гвоздь,
Сомкнулась смертная гробница —
И предалась, какъ новый гость,
Землѣ безчувственной дѣвица.
Я видѣлъ все, въ нѣмой тиши
Стоялъ у пагубнаго мѣста,
И въ глубинѣ моей души
Сказалъ: прости, прости невѣста!
Невольно мною овладѣлъ
Какой-то трепетъ чудной силой,
И я съ таинственной могилой
Разстаться долго не хотѣлъ.
Мнѣ приходили въ это время
На мысль невинныя мечты,
И грусти сладостное бремя
Принесъ я въ память красоты.
Я зналъ её — она играя
Цвѣтокъ недавно мнѣ дала,
И вдругъ блѣднѣя, увядая,
Какъ цвѣтъ дарёный, отцвѣла.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Игра военныхъ суматохъ,
Добыча яростной простуды,
Въ дыму лучинныхъ облаковъ,
Среди горшковъ, . . . и посуды,
Полуразлегшись на доскѣ,
Иль на скамьѣ, какъ вамъ угодно,
Въ избѣ негодной и холодной,
Въ смертельной скукѣ и тоскѣ
Пишу къ вамъ вѣтренные други!
Пишу — и больше ничего —
И отъ поэта своего
Прошу не ждать другой услуги.
Я весь разстройство! . . . я дышу,
Я мыслю, чувствую, пишу
Разстройствомъ полный, лишь разстройство
Въ моемъ разсудкѣ и умѣ,

Въ моемъ посланьѣ и письмѣ
Найдете вы лишь безпокойство!

. . . .

. . . .

И этотъ приступъ неприродный
Васъ удивитъ навѣрно вдругъ.
Но не трактуя слишкомъ строго,
Взглянувъ въ себя самихъ немного,
Мое безумство невиня,
Вы не осудите меня.
Я тотъ чѣмъ былъ, чѣмъ есть, чѣмъ буду,
Не премѣнюсь, непремѣнимъ,
Но ахъ! когда и гдѣ забуду,
Что рокомъ злобнымъ я гонимъ?
Гонимъ, убитъ, хотя отрада
Идетъ однимъ со мной путемъ,
И въ небѣ пасмурномъ награда
Мнѣ свѣтитъ радужнымъ лучемъ.
»Я пережилъ мои желанья«
Я долженъ съ Пушкинымъ сказать,
Минувшихъ дней очарованья
Я долженъ вѣчно вспоминать.
Часы послѣднихъ Сатурналій,
Пировъ, забавъ и Вакханалій,

Когда, когда въ красѣ своей
Измѣнять памяти моей?
Я очень . . . . . . какъ вамъ угодно,
Но разныхъ прелестей Москвы
Я истребить изъ головы
Не въ силахъ. . . . это превосходно!
Я вѣчно помнить буду радъ:
»Люблю я бѣшеную младость,
»И тѣсноту, и блескъ, и радость,
»И дамъ обдуманный нарядъ.«
Моя душа полна мечтаній,
Живу прошедшей суетой,
И рядъ несчастій и страданій
Я замѣнять люблю игрой
Надежды ложной и пустой.
Она мнѣ льститъ, какъ льститъ игрушка
Ребенку въ праздникъ годовой,
Или какъ льститъ бостонъ и мушка
Дѣвицѣ дряхлой и сѣдой, —
Хоть иногда въ тоскѣ безсонной
Ей снится образъ жениха, —
Или какъ запахъ благовонной
Льститъ вялымъ чувствамъ старика.
Вотъ все, что. . . . .

Поэтъ успѣлъ вамъ написать,
И занебрежными строками
Блеститъ безмолвія печать.
Въ моей избѣ готовятъ ужинъ,
Несутъ огромный чанъ ухи,
Столъ ямщикамъ голоднымъ нуженъ—
Прощайте други и стихи.
Когда же есть у васъ забота
Узнать, когда и гдѣ охота
Во мнѣ припала до пера,
Въ деревнѣ *Лысая гора.*

ВЕЧЕРЯЯ ЗАРЯ.

Я встрѣчаю зарю,
И печально смотрю,
Какъ крапинки дождя,
По эѳиру слетя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ,
И кипятъ и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листахъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпитъ и роститъ.
Что жь крапинки дождя
Вашъ бальзамъ не живитъ
Моего бытія?
Что въ вечерней тиши,
Какъ пріятный обманъ,

Не изцѣлитъ онъ ранъ
Охладѣлой души?
Ахъ, не цвѣтъ полевой
Жжетъ полдневной порой
Разрушительный зной, —
Сокрушаетъ тоска
Молодаго пѣвца,
Какъ въ землѣ мертвеца
Гробовая доска. . . .
Я увялъ и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою. . . .
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою. . . .
Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла

Къ шумной волѣ любовь. . . .
Не воскреснетъ она!
Я надежду имѣлъ
На испытныхъ друзей,
Но ихъ рой отлетѣлъ
При невзгодѣ моей.
Всѣмъ постылый, чужой,
Ни кого не любя,
Въ мірѣ странствуя я,
Какъ Вампиръ гробовой! . . .
Мнѣ противно смотрѣть
На блаженство другихъ
И въ мученіяхъ злыхъ,
Несгораючи тлѣть. . . .
Не кропите меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвѣтъ полевой,
Не губительный зной
Пролетѣлъ надо мной!
Я увялъ и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!

ПѢСНЬ ПЛѢННАГО ИРОКЕЗЦА.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они
Для забавы дѣтей
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ!

Но стерплю, не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ

Неподвиженъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой;
И какъ воинъ и мужъ
Перейду въ страну душъ.

Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безсмертную гибель мою!
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ,
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ,
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ;

И рекутъ они въ голосъ одинъ:
»Ты достойный прапрадѣдовъ сынъ!»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ.

Я умру! На позоръ палачамъ
Баззащитное тѣло отдамъ!
Но какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

ПѢСНЬ ПОГИБАЮЩАГО ПЛАВЦА.

I.

Вотъ мрачится
Сводъ лазурный!
Вотъ крутится
Вихорь бурный!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ —
Путь далёкъ. . .
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ! . . .

II.

Всё чернѣе
Сводъ надзвѣздный!
Всё страшнѣе
Воютъ бездны!

Глубь безъ дна!
Смерть вѣрна!
Какъ заклятый
Врагъ грозитъ —
Вотъ девятый
Валъ бѣжитъ! . . .

III.

Горе, горе!
Онъ настигнетъ:
Въ шумномъ морѣ
Челнъ погибнетъ!
Гробъ готовъ! . . .
Трескъ громовъ
Надъ пучиной
Ярыхъ водъ
Вздохъ пустынной
Разнесётъ! . . .

IV.

Даръ завѣтный
Провидѣнья,

Гость привѣтный
Наслажденья:
Жизнь иль мигъ!
Не привыкъ
Утѣшаться
Я тобой, —
И разстаться
Мнѣ съ мечтой!

V.

Сокровенный
Сынъ природы,
Неизмѣнный
Другъ свободы, —
Съ юныхъ лѣтъ
Въ море бѣдъ
Я направилъ
Быстрый бѣгъ,
И оставилъ
Мирный брегъ!

VI.

На равнинахъ
Водъ зеркальныхъ,

На пучинахъ
Погребальныхъ
Я скользилъ,
Я шутилъ
Грозной влагой;
Смертный валъ
Я отвагой
Побѣждалъ! . . . .

VII.

Какъ минутный
Прахъ въ эфирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ—
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любови
Я не зналъ, —
Жаждой крови
Не сгоралъ!

VIII.

Парусъ бѣлый,
Перелётный, —

Якорь смѣлый,
Беззаботный, —
Тусклый лучь
Изъ-за тучь, —
Проблескъ дали
Въ тьмѣ ночей —
Замѣняли
Мнѣ друзей!

IX.

Что жь мнѣ въ жизни
Безъизвѣстной?
Что въ отчизнѣ
Повсемѣстной?
Чѣмъ страшна
Мнѣ волна?
Пусть настигнетъ
Съ вѣчной мглой —
И погибнетъ
Трупъ живой! . . .

X.

Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный!

Все страшнѣе
Воютъ бездны!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ —
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!....

НЕПОСТОЯНСТВО.

Онъ удалился, лицемѣрный,
Священнымъ клятвамъ измѣнилъ;
И эхо вторитъ: легковѣрный!
Онъ Нину разлюбилъ!
Онъ удалился!

Могу ли я, въ моей ли власти
Злодѣя милаго забыть?
Крушись, терзайся жертва страсти!
Удѣлъ твой слезы лить:
Онъ удалился!

Въ какой пустынѣ отдаленной,
Въ какой невѣдомой странѣ

Сокрою стыдъ любви презрѣнной?
Вездѣ все скажешь мнѣ:
Онъ удалился!

Одна, чужда людей и міра,
При томной пѣснѣ соловья,
При легкомъ вѣяньи зефира
Невольно вспомню я:
Онъ удалился!

Онъ удалился... все свершилось!
Минувшихъ дней не возвратить!
Какъ призракъ, счастіе сокрылось!
Зачѣмъ мнѣ больше жить?
Онъ удалился!

ЛЮБОВЬ.

Свершилось Лилетѣ
Четырнадцать лѣтъ;
Милѣе на свѣтѣ
Красавицы нѣтъ.
Улыбкою радость
И счастье даритъ;
Но — счастія сладость
Лилеты бѣжитъ.
Не лестны унылой
Толпы жениховъ,
Не радостны милой
Веселья пировъ:
Въ кругу ли бываетъ
Подругъ молодыхъ, —
И томность сіяетъ
Въ очахъ голубыхъ;

Одна ли въ пріятномъ
Забвеньи она, —
Вездѣ непонятнымъ
Желаньемъ полна.
Въ природѣ прекрасной
Чего-то ей нѣтъ,
Какой-то неясной
Ей мнится предметъ:
Невольная скука
Дѣвицу крушитъ
И тайная мука
Волнуетъ, томитъ.
Ахъ, юныя лѣта!
Ахъ, пылкая кровь!
Лилета, Лилета!
Вѣдь это любовь.

НАДИНЬКѢ.

I.

Смѣйся, Надинька, шути,
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милой Ангелъ во плоти!
Быстро волны ручейка
Мчатъ оборваной цвѣтокъ,
Видитъ рѣзвый мотылёкъ
Листикъ алаго цвѣтка, —
Вьется въ воздухѣ, летитъ
Ближе... вотъ къ нему прильнулъ;
Вѣтеръ волны колыхнулъ —
И цвѣтокъ на днѣ лежитъ...
Гдѣ же, гдѣ же мотылекъ,
Роза нѣжная твоя?
Ахъ! не можетъ для тебя
Возвратить её потокъ!

Смѣйся, Надинька, шути,
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милый Ангелъ во плоти!

II.

Было время, какъ и ты,
Я глядѣлъ на Божій свѣтъ;
Но прошли пятнадцать лѣтъ —
И разсѣялись мечты.
Хладной бурною рѣкой
Рой обмановъ пролетѣлъ —
И мой духъ окаменѣлъ
Подъ свинцовою тоской!
Гдѣ ты радость? гдѣ ты кровь?
Гдѣ огонь бывалыхъ дней?...
Ахъ! изъ памяти моей
Истребила ихъ любовь!
Смѣйся, Надинька, шути,
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милый Ангелъ во плоти!

III.

Будетъ время, — какъ и я —
Ты о прежнемъ воздохнешь
И печально вспомянешь:
»Гдѣ ты молодость моя? . .«
Молчалива и одна
Будешь сердце повѣрять —
И унынія полна
Въ тайнѣ слезы проливать;
Потемнѣютъ небеса
Въ ясный полдень для тебя,
Не узнаешь ты себя —
Пролетитъ твоя краса. . .
Смѣйся жь, смѣйся и шути,
Пей изъ чаши золотой
Счастье жизни молодой,
Милый Ангелъ во плоти!

ПѢСНЯ изъ ПАНАРА.

Какъ смѣшенъ,
Неуменъ
Мужъ ревнивый,
Неучтивый!
Какъ хотѣть
Завладѣть
Лишь ему
Одному
(Безъ причины)
И рукой,
И душой
Половины!
Хоть сердись,
Хоть бранись,
Коль захочется Амуру,
То жена,
Сатана,

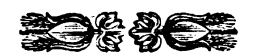
Изомнетъ твою фризуру!
Будешь горестно рыдать,
Будешь лобъ свой проклинать, —
Но напрасно!
Не найдешь себѣ утѣхъ
И услышишь только смѣхъ
Повсечастной.
Станутъ дыбомъ волоса,
Коль споютъ тебѣ въ глаза
Пѣсенку такую,
Хитрую и злую:
Какъ смѣшенъ,
Неуменъ
Мужъ ревнивый,
Неучтивый!
Какъ хотѣть
Завладѣть
Лишь ему
Одному
(Безъ причины)
И рукой,
И душой
Половины!

ЗВѢЗДА.

Она взошла моя звѣзда,
Моя Венера золотая;
Она блеститъ, какъ молодая
Въ уборѣ брачномъ красота.
Пустынникъ міра безотрадной,
Съ ея таинственныхъ лучей
Я не свожу моихъ очей
Въ тоскѣ мучительной и хладной.
Моей бездѣйственной души
Не оживляя вдохновеньемъ,
Она небеснымъ утѣшеньемъ
Ее даритъ въ ночной тиши.
Какой-то силою волшебной
Она влечетъ меня къ себѣ
И, перекорствуя судьбѣ,

Врачуетъ грусть мечтой цѣлебной!
Предавшись ей, я вижу вновь
Мои потерянные годы,
Дни счастья дружбы и свободы,
И помню первую любовь.

КОЛЬЦО.

Я полюбилъ ее съ тѣхъ поръ,
Когда печальный, тихій взоръ
Она на мнѣ остановила,
Когда безмолвнымъ языкомъ
Очей пылающихъ огнемъ
Она со мною говорила.
О, какъ безмолвный этотъ взоръ
Былъ для души моей понятенъ,
Какъ этотъ тайный разговоръ
Былъ восхитительно пріятенъ!
Пронзенный тысячами стрѣлъ
Любви безумной и мятежной,
Я, очарованный, смотрѣлъ
На милый образъ дѣвы нѣжной;
Я весь дрожалъ, я трепеталъ,
Какъ злой преступникъ передъ казнью,

Непостижимою боязнью
Мой духъ смущенный замиралъ.
Полна живѣйшаго вниманья
Къ моей мучительной тоскѣ,
Она, съ улыбкой состраданья,
Какъ ропотъ арфы въ далекѣ,
Какъ звукъ волшебнаго напѣва,
Мнѣ чувства сердца излила.
И эта рѣчь, о дѣва, дѣва!
Меня, какъ молнія, пожгла.
Властитель міра, Царь небесный!

. . . .

Она, мой Ангелъ, другъ прелестный,
Она — не можетъ быть моей! . . .
Едва жива, она упала
Ко мнѣ на грудь; ея лицо,
То вдругъ блѣднѣло, то пылало;
Но на рукѣ ея сверкало
Ахъ! обручальное кольцо! . . . .
Свершилось все! . . кровавымъ градомъ
Кольцо невѣсты облило
Мое холодное чело. . . .
Я былъ убитъ землей и адомъ. . .
Я всталъ, отбросилъ отъ себя

Ея обманчивую руку
И, сладость жизни погубя,
Стѣснивъ въ груди любовь и муку,
Ей на ужасную разлуку
Сказалъ: прости, забудь меня!
Прости, невѣста молодая,
Любви торжественный залогъ!
Прости, прекрасная чужая
Со мною смерть — съ тобою Богъ!
Спѣши на лоно сладострастья,
На лоно радостей земныхъ,
Гдѣ ждетъ тебя въ минуту счастья
Нетерпѣливый твой женихъ;
Гдѣ онъ съ владычествомъ завиднымъ
Твой поясъ дѣвственный сорвётъ,
И съ самовластіемъ обиднымъ
Своею милой назовётъ.
Люби его: тебя достоинъ
Судьбою избранный супругъ;
Но помни дѣва, — я покоенъ:
Твой долгъ мучитель, а не другъ.
Печально, быстро вянутъ розы
На зноѣ лѣтнемъ безъ росы;
Въ темницѣ душной моютъ слёзы

Порабощенныя красы.

Далеко, долго раздавался
Стонъ бѣдной дѣвы надъ кольцомъ,
И съ шумной радостью примчался
За нею суженый съ попомъ.
Напрасно я забыть былое
Хочу въ далекой сторонѣ:
Мнѣ часто видится во снѣ
Кольцо на пальцѣ золотое.
Хочу забыть мою тоску,
Твержу себѣ: она чужая;
Но, безполезно изнывая,
Забыть до гроба не могу.

БУКЕТЪ.

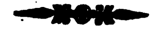

Къ груди твоей, Эмма,
Приколонъ букетъ:
Онъ жизни емблема, —
Но розы въ немъ нѣтъ.
Узорнѣй, алѣе
Есть много цвѣтовъ;
Но краше, милѣе
Царица луговъ.
Эфирный влетаетъ
Въ окно мотылёкъ,
На персяхъ лобзаетъ
Онъ каждый цвѣтокъ;
Надъ ландышемъ вьётся,
Къ лилеи прильнулъ,
Кружится, несётся
И быстро вспорхнулъ.

Куда жь ты, безстрастный
Любовникъ цвѣтовъ?
Иль ищешь прекрасной
Царицы луговъ?
О Эмма, о Эмма!
Вотъ блескъ красоты!
Какъ роза, емблема
Невинности ты,

ОЖИДАНІЕ.

Какъ долго ждетъ
Моя любовь!
Зачѣмъ не йдетъ
Моя Любовь?
Пора давно;
Часы летятъ —
И все одно
Любви твердятъ:
Скорѣй, скорѣй
Ловите насъ,
Пока Морфей
Скрываетъ васъ
Отъ зоркихъ глазъ!..
Поетъ пѣтухъ;
Пропѣлъ другой —
И пылкій духъ

Убитъ тоской.
Всё нѣтъ и нѣтъ!
Рѣдѣетъ тѣнь
И брежжетъ свѣтъ. . .
И скоро день . . .
Спѣши, спѣши,
Моя Любовь,
И утуши
Мою любовь! . . . .

НА СМЕРТЬ ТЕМИРЫ.

Быстро, быстро пролетаетъ
Время нашъ подлунный свѣтъ,
Все разитъ и сокрушаетъ
И ему препятствій нѣтъ.
Ахъ! давноль весна златая
Разцвѣтала на поляхъ?
Часъ пробилъ — зима сѣдая
Мчится въ вихряхъ и снѣгахъ!
Лишь возникла юна роза,
Развернула стебельки—
Дуновеніемъ мороза
Опустилися листки.
Такъ и ты, моя Темира,
Нѣжный другъ души моей,

Бывъ красой недавно міра,
Вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней!
Лишь блеснула, какъ явленье,
И — сокрылася опять.
Ахъ! одно мнѣ утѣщенье —
О тебѣ воспоминать.

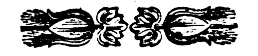

ПѢСНЯ.

Зачѣмъ задумчивыхъ очей
Съ меня красавица не сводишь?
Зачѣмъ огнемъ твоихъ рѣчей
Тоску на душу мнѣ наводишь?
Не припадай ко мнѣ на грудь
Въ порывахъ милаго забвенья, —
Ты ничего въ меня вдохнуть
Не можешь кромѣ сожалѣнья!
Меня не въ силахъ воспалить
Твои горячія лобзанья,
Я не могу тебя любить,
Не для меня очарованья!
Я былъ любимъ — и самъ любилъ —
Увялъ на лонѣ сладострастья,
И въ хладномъ сердцѣ схоронилъ
Минуты горестнаго счастья.

Я рано сорвалъ жизни цвѣтъ;
Все потерялъ, все отдалъ Хлоѣ,
И прежнихъ чувствъ и прежнихъ лѣтъ
Не возвратитъ ничто земное!
Еще мнѣ милы красота
И дѣвы пламенные взоры,
Но сердце мучитъ пустота,
А совѣсть — мрачные укоры!
Люби другаго: быть твоимъ
Я не могу, о другъ мой милой!...
Ахъ! какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!

2.

У меняль молодца
Ровно въ двадцать лѣтъ
Со бѣла со лица
Спалъ румяный цвѣтъ;
Черный волосъ кольцомъ
Не бѣжитъ съ плеча,
На ремнѣ золотомъ
Нѣтъ грозы-меча;
За желѣзнымъ щитомъ
Нѣтъ копья-огня;
Подъ Черкескимъ сѣдломъ
Нѣтъ стрѣлы-коня;
Нѣтъ перстней дорогихъ
Подарить милой;
Безъ невѣсты женихъ,
Безъ попа налой . . .

Разступись, разступись,
Мать сыра земля;
Прекратись, прекратись,
Жизнь — тоска моя!
Лишь по ней, по милой
Красен белый свет;
Без милой дорогой
Счастья в мірѣ нѣтъ!

3.

Тамъ, на небѣ высоко
Свѣтитъ солнце безъ лучей:
Тамъ безъ друга далеко
Гаснетъ свѣтъ моихъ очей!
У косящета окна
Разкрасавица сидитъ,
Призадумавшись она
Буйну вѣтру говоритъ:
Не шуми, ты не шуми,
Буйной вѣтеръ подъ окномъ,
Не буди ты, не буди
Грусти въ сердцѣ ретивомъ;
Не тверди мнѣ, не тверди
Объ измѣнникѣ моемъ!
Измѣнилъ мнѣ, измѣнилъ
Мой губитель роковой,

Насмѣялся, пошутилъ
Надъ моею простотой,
Надъ моею простотой,
Надъ дѣвичьей красотой!
Я погибла бы, душа
Красна дѣвка отъ ножа,
Я погиблабъ отъ руки,
А не съ горя и тоски.
Ты убей меня, убей,
Ненавистный мой злодѣй!
Я сказала бы ему, —
Милу другу своему, —
Не жалѣю я себя,
Ненавижу я тебя!
Лей и пей ты мою кровь,
Утуши мою любовь!
Не шуми жь ты, не шуми,
Буйный вѣтеръ надо мной;
Полети ты, полети
Вдоль дороги столбовой!
По дорогѣ столбовой
Скачетъ воинъ молодой:
Налети ты на него, —
На тирана моего;

Просвищи, какъ жалкій стонъ,
Прошепчи ему поклонъ
Отъ высокихъ отъ грудей,
Отъ заплаканыхъ очей;
Что бъ онъ помнилъ обо мнѣ
Въ чуже-дальней сторонѣ;
Чтобы съ лютою тоской
Вспоминая, воздохнулъ
И съ горючею слезой
На кольцо мое взглянулъ,
Чтобъ глядѣлъ онъ на кольцо,
Какъ на друга прежнихъ дней,
Какъ на бѣлое лицо
Бѣдной дѣвицы своей!....

РОМАНСЪ.

Пышно льётся свѣтлый Терекъ
Въ мирномъ лонѣ тишины;
Дѣвы юныя на берегъ
Вышли встрѣтить пиръ весны.

Вижу игры, слышу ропотъ
Сладкозвучныхъ голосовъ,
Слышу рѣзвый, легкій топотъ
Разноцвѣтныхъ башмачковъ.

Но мой взоръ не очарованъ
И блеститъ не для побѣдъ,

Онъ тобой одиимъ окованъ
Алый шелковый бешметъ.

Образъ дѣвы недоступной,
Образъ строгой красоты
Думой грустной и преступной
Отравилъ мои мечты.

Для чего у страсти пылкой
Чародѣйной силы нѣтъ
Превратиться невидимкой
Въ алый шелковый бешметъ?

Для чего покровъ холодной,
А не чувство, не любовь
Обнимаетъ, жметъ свободно
Гибкій станъ, живую кровь?...

2.

Утро жизнью благодатной
Освѣжило сонный міръ,
Дышетъ влагою прохладной
Упоительный зефиръ.

Нѣга, радость и свобода
Торжествуютъ юный день,
Но въ моихъ очахъ природа
Отуманена, какъ тѣнь.

Что мнѣ съ жизнью, что мнѣ съ міромъ?
На душѣ моей тоска
Залегла, какъ надъ вампиромъ
Погребальная доска.

Вздохъ волшебный сладострастья
Съ стономъ дѣвы пролетѣлъ ,
И въ груди за призракъ счастья
Смертный хладъ запечатлѣлъ.

Ужь давно огонь объятій
На злодѣѣ не горитъ ,
Но надъ нимъ , какъ звукъ проклятій ,
Этотъ стонъ ночной гремитъ.

О , исчезни , стонъ укорный
И замри , какъ замеръ ты
На устахъ красы упорной
Подъ покровомъ темноты !

3.

Одѣлъ станицу мракъ глубокой,
Но я козачькой осужденъ
Увидѣть снова прежній сонъ
На ложѣ скуки одинокой.

И знаю я, — приснится онъ,
Но, горе дѣвѣ неприклонной!
Приснится завтра ей несонной
Коварный сонъ, мятежный сонъ.

Моей любви нетерпѣливость
Утушитъ дѣтскую боязнь;
Узнаетъ счастіе и казнь
Ея упорная стыдливость.

Станицу скроетъ темнота, —
Но ужь не мнѣ во мракѣ ночи,
А ей предстанетъ передъ очи
Неотразимая мечта.

И юныхъ персей трепетанье,
И ропотъ устъ, и жаръ ланитъ —
Все сладко, сладко наградитъ
Меня за тайное страданье.

ЧЕРКЕССКІЙ РОМАНСЪ.

Подъ тѣнью дуба вѣковаго,
Въ скалѣ пустынной и крутой
Сидитъ врагъ путника ночнаго —
Черкесъ красивой и младой.
Но онъ не замыселъ лукавой
Таитъ во мракѣ тишины,
Не дышетъ гибельною славой,
Не жаждетъ сѣчи и войны.
Томимый нѣгой сладострастной,
Черкесъ любви минуту ждётъ
И такъ въ раздумьи о прекрасной
Свою тоску передаётъ:
»Близка, близка пора свиданья!
Давно кипитъ и стынетъ кровь
И проситъ вѣрная любовь,
Награды сладкой за страданья!

Гдѣ ты? спѣши ко мнѣ, спѣши,
Джембе — душа моей души!

«Покойно всё въ аулѣ сонномъ.
Оставь ревнивыхъ стариковъ!
Они узрѣть твоихъ слѣдовъ
Не могутъ въ мракѣ благосклонномъ!
Гдѣ ты? спѣши ко мнѣ, спѣши,
Джембе — душа моей души!

»Звѣзда любви роднаго края!
Ты цѣлый міръ въ моихъ очахъ!
Въ твоей груди, въ твоихъ устахъ
Заключена вся прелесть рая!
Взошла луна! спѣши, спѣши,
О дѣва, жизнь моей души!

И вдругъ. . . какъ вѣтеръ тиховѣйной,
Она явилась передъ нимъ
И обняла рукой лилейной
Съ восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ!
И лобызаетъ съ нѣгой томной,
И шепчетъ: милый, я твоя!. .

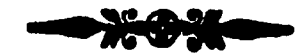
И вздохъ невольный и нескромный
Волнуетъ сильно грудь ея. . .
Она его! . . . Но что мелькнуло
Въ сѣдой ущелинѣ скалы?
Что зазвенѣло и сверкнуло
Среди густой, полночной мглы?
Кто блещетъ шашкой обнаженной,
Внезапно съ юношей сразясь?
Чей слышенъ голосъ разъяренный:
»Умри, съ злодѣйкой не простясь! . . . «

Ея отецъ! . . . . отрады ночи
Старикъ безсонный не вкусилъ;
Онъ подозрительныя очи,
Съ преступной дѣвы не сводилъ;
Онъ замѣчалъ ея движенья,
Ея таинственный побѣгъ,
И въ первый пылъ ожесточенья
Дни обольстителя пресѣкъ.
Но гдѣ она? какую долю
Ей злобный рокъ опредѣлилъ?
Ужель на вѣчную неволю,
Отецъ жестокій осудилъ,

И, изнывая въ заточеньи
Добычей гнѣва и стыда,
Погибнетъ въ жалкомъ погребеньи
Любви виновной красота?..
Что съ ней?.. Увы! вотъ дикій камень
Стоитъ надъ гробомъ у скалы...
Тамъ, свѣтлыхъ дней, несчастный пламень
Давно погасъ для вѣчной тьмы!
Въ тотъ самый мигъ, какъ другъ прекрасный
Въ крови къ ногамъ ея упалъ,
Послѣдній вздохъ прощальный, страстный
Стѣснилъ въ груди ея кинжалъ!...

НОЧЬ.

Умолкло все вокругъ меня;
Природа въ сладостномъ покоѣ;
Едва блеститъ свѣтило дня;
Въ туманахъ небо голубое.
Печальной думой удрученъ,
Я не вкушу отрады ночи
И не сомкнетъ пріятный сонъ
Слезой увлаженныя очи.
Какъ жаждетъ капли дождевой
Цвѣтокъ, увянувшій отъ зноя,
Такъ жажду, мучимый тоской,
Сего желаннаго покоя!
Мальвина, радость прежнихъ дней!
Мальвина, другъ мой несравненный!

Онъ живъ еще — въ думѣ моей,
Твой образъ милый, незабвенный.
Такъ! всюду зрю его черты:
Въ лунѣ задумчивой и томной,
Въ порывѣ пламенной мечты,
Въ видѣньяхъ ночи благотворной
Твоя невидимая тѣнь
Летаетъ тайно надо мною!
Я зрю ее, — но зрю какъ день
За этой мрачной пеленою!
Я съ ней — и отъ нее далекъ!
И легкій вѣтеръ изъ долины,
Или журчащій ручеекъ
Мнѣ — голосъ сладостный Мальвины!
Я съ ней, — и блеска сихъ очей,
На мнѣ покоившихся страстно,
Въ сіяньи радужныхъ лучей
Ищу въ замѣну я напрасно!
Я съ ней — и милыя уста
Цѣлую въ розѣ ароматной!
Я съ ней и нѣтъ, — и все мечта
И пылкихъ чувствъ обманъ пріятной!
Какъ свѣтозарная звѣзда,
Мальвина въ мірѣ появилась,

Плѣнила міръ — и навсегда
Звѣздой падучею сокрылась!
Мальвины нѣтъ! исчезли съ ней
Любви, надеждъ очарованье,
И скорбной участи моей
Одна отрада: вспоминанье!

НОЧЬ на КУБАНИ.

Весенній вечеръ на равнины
Кавказа знойнаго слетѣлъ;
Туманъ медлительной одѣлъ
Горъ дальнихъ синія вершины.
Какъ море розовой воды,
Заря слилась на небѣ чистомъ
Съ мерцаньемъ солнца золотистымъ
И гаснетъ всё; и съ высоты
Необозримаго эфира —
Толпой видѣній окружёнъ,
На крыльяхъ легкаго зефира
Спустился другъ природы сонъ. . .

Его вліянію покорный —
Заботъ и воли мирный сынъ —

Покой вкушаетъ благотворный
Трудолюбивый селянинъ.
Богатый духомъ безмятежнымъ,
Онъ спитъ, въ кругу своей семьи
Подъ кровомъ вѣрнымъ и надежнымъ
Давно испытанной любви.
И счастливъ въ незавидной долѣ!
Его всегда лелѣютъ сны:
Онъ видитъ вѣчно лугъ и поле
И поцѣлуй своей жены.
И онъ — заранѣ утомленной
Слѣпой фортуной Сибаритъ —
И онъ отъ бѣднаго сокрытъ
На ложѣ нѣги утонченной!
Напрасно голосъ гробовой
Страданья тяжкаго взываетъ:
Онъ никогда не возмущаетъ
Его души полуживой!
И пусть таитъ глухая совѣсть
Свою докучливую повѣсть!
Её ужасно прочитать
Во глубинѣ души убитой!
Ужасно Небо призывать
Десницѣ кровію облитой!...

Едва замѣтною грядой —
Громадъ воздушныхъ рядъ зыбучій—
Плывутъ во тьмѣ сѣдыя тучи,
И мѣсяцъ блѣдной молодой,
Закрытый ихъ печальной тканью,
Прорѣзалъ дальній горизонтъ
И надъ гремучею Кубанью
Глядится въ новый Геллеспонтъ.
Бывало, бодрый и безмолвный,
Козакъ на пагубныя волны
Вперяетъ взоръ старожевой:
Нерѣдко ихъ знакомый ропотъ
Таилъ коней татарскихъ топотъ
Передъ тревогой боевой,
Тогда винтовки смертоносной
Нежданой выстрѣлъ вылеталъ —
И хищникъ смертію поносной,
На брегѣ Русскомъ погибалъ.
Или толпой ожесточенной
Врывались злобные враги
Въ шатры защиты изумленной, —
И обогряли глубь рѣки
Горячей кровью козаки.
Но миновало время брани,

Смирился дерзостный *Джигитъ*,
И рѣдко, рѣдко по Кубани
Свинецъ убійственный свиститъ.
Молчаньемъ мрачнымъ и печальнымъ
Окрестность битвъ обложена
И будто миромъ погребальнымъ
Убита бранная страна. . .

Всё дышетъ нѣгою прохладной,
Всё спитъ. . . Но что же сонъ отрадный
Въ тиши таинственныхъ ночей
Не посѣтитъ моихъ очей?
Зачѣмъ зову его напрасно?
Иль въ самомъ дѣлѣ намъ ужасно
Утратить. . . . . . и покой? . . .

Ужель они не возвратимы,
Кумиры юности моей,
И никогда не укротимы
Порывы сильные страстей? . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Ахъ! кто мечтѣ высокой вѣрилъ,
Кто почиталъ коварный свѣтъ
И на зарѣ весеннихъ лѣтъ
Его ничтожество измѣрилъ;
Кто погубилъ, подобно мнѣ,
Свои надежды и желанья;
Предъ кѣмъ разрушились вполнѣ
Грядущей жизни упованья;
Кто сиръ и чуждъ передъ людьми,
Кому дадутъ изъ сожалѣнья,
Иль ненавистнаго презрѣнія,
Когда нибудь клочокъ земли. . .
Одинъ лишь тотъ меня оцѣнитъ,
Моей тоски не обвинивъ,
Душевнымъ чувствамъ не измѣнитъ
И скажетъ: такъ, ты несчастливъ!
Какъ братъ къ потерянному брату
Съ улыбкой нѣжной подойдетъ,
Слезу страдальную прольетъ
И раздѣлитъ мою утрату! . . .

. . . .

Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ,
Лишь онъ одинъ пойметъ того,
Чьё сердце червь могильный гложетъ!

Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налётная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя! . . .
Я буду онъ! Онъ будетъ я! . . .
Въ одномъ изъ насъ сольются оба! . .
И пусть тогда вражда, и злоба,
И мечь, и заступъ гробовой
Гремятъ надъ нашей головой! . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но гдѣ же онъ, воображенье
Очаровавшій идеалъ? —
Мое прелестное видѣнье
Среди пустыхъ, туманныхъ скалъ!
Подобно грознымъ исполинамъ,
Онѣ чернѣютъ по равнинамъ
Въ своей безстрашной красотѣ;
Лишь иногда на высотѣ
Или въ развалинахъ кремнистыхъ
Мелькаетъ пара глазъ огнистыхъ;
Кабанъ свирѣпый пробѣжитъ;

Или орловъ голодныхъ стая,
Съ пустынныхъ мѣстъ перелетая,
На время сонъ ихъ возмутитъ.
А я на камнѣ одинокомъ,
Рушитель общей тишины,
Сижу въ забвеніи глубокомъ,
Какъ духъ подземной стороны.
И пронесутся дни и годы
Своей обычной чередой,
Но мнѣ покоя и свободы
Не возвратятъ они съ собой!

ЧЕРНАЯ КОСА.

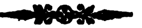

Тамъ, гдѣ свистящія картечи
Метала бранная гроза,
Лежитъ въ пыли на полѣ сѣчи
Въ три грани черная коса.
Она въ крови и безъ отвѣта,
Но тайный голосъ произнесъ:
»Булатъ, противникъ Магомета,
Меня съ главы дѣвичей снесъ!
Гордясь красой неприхотливой,
Въ родной свободной сторонѣ,
Чело невинности стыдливой
Владѣло мною въ тишинѣ.
Еще за часъ до грозной битвы
Съ врагомъ отечественныхъ горъ
Пылалъ въ жару святой молитвы
Звѣзды Чиръ-Юрта ясный взоръ.

Надежда храбрыхъ на Пророка
Отваги буйной не спасла,
И я во прахъ велѣньемъ рока
Скатилась съ юнаго чела!
Оставь меня!.. Кого лелѣетъ
Украдкой нѣжная краса,
Тому на сердцѣ грусть навѣетъ
Въ три грани черная коса. «

МЕРТВАЯ ГОЛОВА.

Изъ за черныхъ облаковъ
Блещетъ мѣсяцъ въ вышинѣ,
Видны въ ставкѣ козаковъ
Десять копій при лунѣ.
Отъ чего жь она темна,
Что не свѣтится она,
Сталь десятаго копья?
Что за призракъ вижу я
При обманчивой лунѣ
На таинственномъ копьѣ?
О, не призракъ! на яву
Вижу вражескій укоръ —
Безобразную главу
Сына брани, сына горъ.
Вѣчный сонъ ея удѣлъ
На отеческихъ поляхъ,

На убійственныхъ мечахъ
Онъ къ ней рано прилетѣлъ.
Пять ударовъ острея
Твердой черепъ разнесли;
Муку смерти затая,
Очи кровью затекли.
Силу дивную бойца
Злобный Геній превозмогъ,
Трупъ холодной мертвеца
Въ землю съ честію не легъ.
И глава его темнитъ
Сталь десятаго копья,
И душа его паритъ
Къ новой сферѣ бытія. . .
. . . .
. . . .

АКТАШЪ-АУХЪ.

На высотѣ пустынныхъ скалъ,
Подъ ризой инеевъ пушистыхъ,
Какъ сторожъ пасмурной, стоялъ
Дубъ старый, царь дубовъ вѣтвистыхъ.
Сражаясь съ хладомъ облаковъ,
Встрѣчая гордо лучь денницы,
Одинъ, далеко отъ дубровъ
Служилъ онъ кровомъ хищной птицы.
Молніеносный ураганъ
Сверкнулъ въ лазуревой пучинѣ,
И разлетѣлся великанъ,
Какъ прахъ по каменной твердынѣ.
Въ вертепахъ дикой стороны,
Для чужеземца безотрадной,
Гнѣздились буйные сыны
Войны и воли кровожадной.

Долины мира возмущалъ
Бреговъ Акташа лютый житель,
Коварный Генiй охранялъ
Его преступную обитель.
Но гдѣ ты сонъ минувшихъ дней?
Тебя смѣнила жажда мщенья,
И сильный вождь богатырей
Разсѣялъ сонмъ злоумышленья!
Акташа нѣтъ! Пробилъ конецъ
Безумству жалкаго народа,
И не спасли тебя, бѣглецъ,
Твои кинжалы и природа!
Гдѣ блещетъ солнце, гдѣ заря
Едва мелькаетъ за горами —
Предстанетъ всюду предъ врагами
Герой полночнаго Царя.

ГАРЕМЪ.

Кто любитъ нѣгу чувствъ, блаженство сладострастья
И не паритъ въ края Азійскіе душой?
Кто пылкій юноша, который въ мірѣ счастья
Не жаждетъ вѣкъ утратить молодой?
Пусть онъ летитъ туда. . . .
И населитъ красой блестящей свой гаремъ!
Тамъ жизни радость онъ познаетъ и оцѣнитъ
И снова обрѣтетъ потерянный Едемъ!....

Тамъ пиръ для чувствъ и ока!
Красавицы Востока,
Одна другой милѣй,
Одна другой рѣзвѣй,

Послушныя рабыни,
Умрутъ съ нимъ каждый мигъ!
Съ душой полубогини
Въ восторгахъ огневыхъ
Душа его сольется,
Заснетъ и вновь проснется,
Чтобъ снова утонуть
Въ пучинѣ наслажденья!
Тамъ пламенная грудь
Манитъ воображенье;
Тамъ бѣлая рука
Влечетъ его слегка
И страстно обнимаетъ;
Одна его лобзаетъ,
Одна ему поетъ,
Горитъ и изнываетъ. . . .
. . . .
Прелестныя подруги,
Воздушны, какъ зефиръ,
Порхаютъ, стелютъ круги;
То вьются, то летятъ,
То быстро станутъ въ рядъ.
Межъ тѣмъ въ дыму кальяна,
На бархатѣ дивана,

Влюбленный Сибаритъ
Роскошно возлежитъ
И, взоромъ пожирая
Движенья Гурій рая,
Трепещетъ и кипитъ,
И къ дѣвѣ сладострастья
Залогъ желанный счастья,
Платокъ его летитъ.

. . . .

Но гдѣ Гаремъ, но гдѣ она,
Моя прекрасная рабыня?
Кто эта юная богиня,
Полунагая какъ весна,
Свѣжа, плѣнительна, статна
Рѣзвится въ банѣ ароматной?
На чьи небесныя красы
Съ досадной ревностью власы
Волною падаютъ пріятной?

. . . .

Кого усердная толпа
Рабынь услужливыхъ лелѣетъ?
Чья кровь горячая замлѣетъ
Въ объятьяхъ дѣвы огневой?
Кто сей счастливецъ молодой?....

Ахъ, гдѣ я? что со мною стало?
Она надѣла покрывало,
Ее ведутъ; — она идетъ,
Ее любовь на ложѣ ждетъ.

. . . .

Такъ жрецъ любви, игра страстей опасныхъ,
Пѣлъ наслажденья чуждыхъ странъ
И оживлялъ въ мечтаньяхъ сладострастныхъ
Чувствъ очарованныхъ обманъ.
Онъ пѣлъ. . . души его кумиры
Носились тайно вкругъ него,
И въ этотъ мигъ на всѣ порфиры
Не промѣнялъ бы онъ Гарема своего.

КРЕМЛЕВСКІЙ САДЪ.

Люблю я позднею порой,
Когда умолкнетъ гулъ разкатный
И шумъ докучный городской,
Досугъ невинный и пріятный
Подъ сводомъ неба провождать;
Люблю задумчиво питать
Мои безпечныя мечтанья
Вкругъ стѣнъ Кремлевскихъ вѣковыхъ
Подъ тѣнью липокъ молодыхъ,
И пить весны очарованье
Въ ароматическихъ цвѣтахъ,
Въ красѣ алей разнообразныхъ,

Въ блестящихъ зеленью кустахъ.
Тогда, краса лѣнивцевъ праздныхъ,
Одинъ, незанятый никѣмъ,
Смотря и ничего не видя,
И какъ Султанъ на лавкѣ сидя,
Я созидаю свой Эдемъ
Въ смѣшныхъ и странныхъ помышленьяхъ.
Мечтаю, грежу какъ во снѣ,
Гуляю въ выспреннихъ селеньяхъ,
На солнцѣ, небѣ и лунѣ;
Преображаюсь въ полубога,
Сужу рѣшительно и строго
Мірскія бредни, цѣлый міръ;
Дарую счастье милліонамъ. . .
. . . .
И между тѣмъ пока мой пиръ
Воздушный, легкій и духовный
Пріемлетъ всю свою красу,
И я себя перенесу
Гораздо дальше Подмосковной.
Плывя, какъ лебедь въ небесахъ,
Луна сребритъ сѣдыя тучи;
Полночный вѣтеръ на кустахъ
Едва колышетъ листъ зыбучій;

И въ тишинѣ вокругъ меня
Мелькаютъ тѣни проходящихъ;
Какъ тѣни пасмурнаго дня,
Какъ проблески огней блудящихъ.

ТАБАКЪ.

Курись табакъ мой! вылетай
Изъ трубки дымъ пріятный,
И облаками разстилай
Свой запахъ ароматный.
Не столько Персу милъ кальянъ
Или шербетъ душистый,
Сколь милъ душѣ моей туманъ
Твой легкій и волнистый!
Курю и мыслю: какъ горитъ
Табакъ мой въ трубкѣ жаркой,
Такъ и меня испепелитъ
Рокъ пагубный и жалкой!

Курись же, вѣйся, вылетай
Дымъ сладостный, пріятной,
И, если можно, исчезай
И жизнь съ нимъ невозвратно!

ТАРКИ.

Я былъ въ горахъ —
Какая радость!
Я былъ въ Таркахъ —
Какая гадость!
Скажу не въ смѣхъ:
Аулъ Шамхала
Похожъ не мало
На Русскій хлѣвъ.
Большой и длинной,
Обмазанъ глиной,
Не чистъ внутри,
Не чистъ снаружи;
Мечети съ три,
Ручьи, да лужи,
Кладбище, ровъ,
Да рыбной ловъ,

Духанъ, пять лавокъ,
И наконецъ,
Всему въ добавокъ,
Вверху дворецъ
Преавантажный
И двухъ — этажный,
Гдѣ князь Шамхалъ
Сидитъ и судитъ
Всѣхъ на поваль.
Въ большомъ Папахѣ,
Въ цвѣтной рубахѣ,
Румянъ и дюжъ,
Счастливый мужъ
По царству ходитъ
И юныхъ дѣвъ
И въ стыдъ и въ гнѣвъ
Нерѣдко вводитъ.

ИМАНЪ-КОЗЕЛЪ.

Въ одной деревнѣ, недалёко
Отъ Триполя иль отъ Марокко —
Не помню я — жилъ человѣкъ
По имени Абдулъ Мелекъ;
Не только хижины и мула
Не заводилось у Абдула,
Но даже вѣрнаго куска
Подъ часъ иной у бѣдняка
Въ запасной сумкѣ не случалось.
Онъ пилъ и ѣлъ — гдѣ удавалось,
Ложился спать — гдѣ Богъ привелъ,
И словомъ, жизнь такъ точно велъ,
Какъ независимыя птицы,
Или поклонники царицы,
Котору вольностью зовутъ,
Или какъ нищіе ведутъ.

Съ утра до вечера съ клюкою
И упрошающей рукою,
Бродя подъ окнами домовъ
Пророка ревностныхъ сыновъ,
Онъ ждалъ святаго подаянья,
Молилъ за чувства состраданья
Съ слезой притворной Небеса,
Потомъ осушивалъ глаза
Своимъ изодраннымъ кафтаномъ
И шелъ другимъ Магометаномъ
Одно и то же повторять.

Такъ жилъ Абдулъ лѣтъ двадцать пять,
А можетъ быть еще и болѣ —
Какъ вдругъ однажды, сидя въ полѣ
И роя палкою песокъ,
Нашелъ онъ кожаной мѣшокъ.
Абдулъ узлы на немъ срываетъ,
Нетерпѣливо открываетъ,
Глядитъ и что жь? о Магометъ!
Онъ полонъ золотыхъ монетъ.
»Что вижу я! ужель возможно?
Алла, не сонъ ли это ложной!

Воскликнулъ радостный бѣднякъ,
»Нѣтъ я несонный! точно такъ. . . .
Червонцы. . . . цехины безъ счету. . .
Абдулъ! покинь твою заботу
О нищѣ скудной и дневной;
Теперь ты тотъ же, да другой.«
Схватилъ Абдулъ свою находку,
Какъ воинъ плѣнную красотку,
Бѣжитъ, не зная самъ куда.
Имѣнью радъ — и съ нимъ бѣда.
Бѣжитъ что силъ есть, безъ оглядки,
Лишь воздухъ разсѣкаютъ пятки.
Земли не видитъ подъ собой.
И вотъ лѣсокъ предъ нимъ густой.
Вбѣжалъ, взглянулъ, остановился
И на мѣшокъ свой повалился.

»Ну слава Богу! говоритъ,
Теперь онъ мнѣ принадлежитъ.
Червонцы все, да какъ прелестны:
Круглы, блестящи, полновѣсны!
Какая чистая рѣзьба!
О, презавидная судьба

Владѣть подобною монетой!
Я не видалъ милѣе этой.
И можно ль статься — я одинъ
Теперь ей полный властелинъ!
Я. . . . я. . . . Абдулъ презрѣнный, нищій,
Который для насущной пищи
Два дни лохмотья собиралъ
И ихъ дѣвать куда не зналъ,
Я бездомовный, я бродяга. . . .

. . . .

Блаженъ скупой — блаженъ сто кратъ,
Зарывшій первый въ землю кладъ!
Такъ — такъ! на лоно сладострастья,
На лоно выспренняго счастья,
Въ объятья Гурій молодыхъ,
Къ горамъ червонцевъ золотыхъ,
На крыльяхъ вѣтра Ангелъ рока,
Тебя по манію Пророка,
Душа святая, пронесетъ —
Тамъ, тамъ тебя награда ждетъ.«

. . . .

. . . .

И снова радостный Абдулъ
На груду золота взглянулъ,

Вертѣлъ мѣшокъ передъ собою;
Ласкалъ дрожащею рукою
Его плѣнявшіе кружки
И вѣсилъ, сколь они легки,
И прикасался къ нимъ устами,
И пожиралъ ихъ всѣ глазами,
И быстро въ землю зарывалъ,
И снова, вырывши, считалъ.
Такъ обезьяна у Крылова,
Надѣть очки была готова
Хотя бы на уши свои,
Того не зная, что они
Даны глазамъ въ употребленье.

И вотъ дивится все селенье,
Въ которомъ жилъ Абдулъ Мелекъ.
»Откуда этотъ человѣкъ,
»Изъ самыхъ бѣдныхъ, какъ извѣстно,
Заговорили повсемѣстно,
»Откуда деньги получилъ?
»Ну, такъ ли прежде онъ ходилъ?
»Какой нарядъ, какое платье!
»Ему ли, нищенской ли братьѣ

»Носитъ такія епанчи?«
(А онъ одѣлся ужь въ парчи)
»Давно ли мы изъ со страданья
»Ему давали подаянья,
»И онъ смиренно у дверей
»Въ чалмѣ изодранной своей,
»Босой и голой, ради Неба
»Просилъ у насъ кусочка хлѣба, —
»И вдругъ богатъ сталъ! отъ чего?

»Готовъ и домъ ужь у него!«
Другой сказалъ съ недоумѣньемъ,
И всѣ объяты удивленьемъ:
»И домъ готовъ! Не льзя понять,
»А какъ изволитъ отвѣчать,
»Коль намекнешь ему объ этомъ.
»Ну — заклинай хоть Магометомъ,
»А онъ одно тебѣ въ отвѣтъ:
»*Мнѣ Богъ послалъ.* — Ни да, ни нѣтъ.
»Что хочешь говори, — ни слова.
»Ты подойдешь: Абдулъ, здорово!
»Откуда денегъ ты досталъ?
»А онъ проклятый: *Богъ послалъ.*

»Такой отвѣтъ — на что похоже! « —
«Да, да! и мнѣ твердитъ все тоже;
Шепталъ завистливый Иманъ:
»Но я — открою сей обманъ.
»Конечно — много можетъ вѣра!
»Однако жь не было примѣра,
»Чтобъ за хорошія дѣла
»Давалъ червонцы намъ Алла.
»Люби его всю жизнь усердно —
»А все умрешь, такъ точно бѣдно,
»Какимъ родила мать тебя,
»Когда не любишь самъ себя,
»И тамъ прохлопаешь глазами,
»Гдѣ должно дѣйствовать руками.
»Пой этѣ пѣсни простакамъ
»И легковѣрнымъ, а не намъ.
»Я сорокъ лѣтъ уже Иманомъ,
»И если съ денежнымъ карманомъ,
»То отъ того, что мало сплю
»И кой-что грѣшное люблю.
»И какъ, мой другъ, ни лицемѣришь,
»Меня ничѣмъ не разувѣришь:
»Нашелъ ты вѣрно добрый кладъ.
»Проспорить голову я радъ. «

И углубился въ размышленье:
Какимъ бы образомъ имѣнье
Себѣ Абдулово достать.
Проныpствомъ истину узнать,
Старанье тщетное — не можно:
Себя ведетъ онъ осторожно.
Прокрасться въ домъ къ нему тайкомъ
И деньги вынудить ножомъ —
Успѣхъ невѣрный и опасный;
Просить на бѣдныхъ — трудъ напрасный;
Въ займы — не дастъ; украсть — нельзя...
Иманъ выходитъ изъ себя:
Нѣтъ средства обмануть Абдула.
Гадалъ, гадалъ, и вдругъ мелькнула
Ему идея сатаны:
Пришельцомъ адской стороны,
Иль просто дьяволомъ съ когтями,
Въ козлиной шкурѣ и съ рогами
Абдула ночью попугать
И деньги дьяволомъ отнять:
Прекрасно, чудно, несравненно!
Кричалъ стократно, восхищенной,
Своею выдумкой Иманъ —
Какъ дважды два мой вѣренъ планъ!

Сказалъ, и разомъ все готово.
Козла здороваго, большаго
Въ хлѣву поспѣшно ободралъ,
На палкахъ шерсть его распялъ;
Сперва рукой, потомъ другою,
Потомъ со всѣмъ и съ головою
Въ него съ усиліемъ онъ влѣзъ
И сталъ прямой козелъ и бѣсъ.

»Какъ, какъ! Иманъ въ козлиной шкурѣ?
»Не можетъ быть того въ натурѣ,
Кричатъ пятнадцать голосовъ,
»Не можетъ быть людей — козловъ.«

Друзья мои! пустое дѣло —
Могу увѣрить очень смѣло
И васъ и прочихъ молодыхъ,
Людей неопытныхъ такихъ,
Что въ сто иль въ тысячу разъ болѣ
Искусствъ таинственное поле
Открыто глупымъ дикарямъ,
Чѣмъ нашимъ важнымъ хвастунамъ,

Всезнайкамъ гордымъ и надменнымъ,
Полуневѣждамъ просвѣщеннымъ.
Повѣрьте: множество вещей
(Прочтите *Тысячу ночей*),
Которыхъ мы не понимаемъ,
И нагло вздоромъ называемъ,
Враньемъ, несбыточной мечтой,
Въ степяхъ Аравіи святой,
За Индостанскими горами,
За неоткрытыми морями
Не выдумки и не мечты,
А такъ извѣстны, такъ просты,
Какъ наше древнее преданье
Объ очень чудномъ наказаньѣ
Царицей Ольгою Древлянъ,
Какъ всякій рыцарскій романъ
Какъ предреченіе Кометы,
Какъ Фонтенели и Боннеты.
Въ козла запрятался Иманъ,
Какъ Русской прячется въ кафтанъ.
Въ козлины лапы всунулъ ноги,
На головѣ — явились роги,
Съ когтями, бородой, хвостомъ,
И словомъ, сдѣлался козломъ.

Коль говорить вамъ правду нада,
Я не видалъ сего наряда;
Но будь на мѣстѣ — я, не я,
Когда хоть каплю отъ себя,
Въ моемъ разсказѣ я прибавилъ:
Мнѣ это свѣденье доставилъ
Одинъ пріѣхавшій Арапъ
По имени *Врилгихап-Хапъ.*
Онъ человѣкъ весьма пріятной,
И что важнѣе: вѣроятной —
Не лжетъ ни слова — и онъ самъ
Свидѣтель этимъ былъ дѣламъ.

Спустилась ночи колесница,
Небесъ лазоревыхъ царица
Блеснула — блѣдная луна,
Умолкла все и тишина
Простерлась въ дремлющемъ селеньи.
Свершивъ обряды умовенья,
Облобызавши Алкоранъ,
Семейства мирныхъ Музульманъ
Предались сладкому покою.
Одинъ, съ преступною душою,

Въ одеждѣ бѣса и козла,
Забывъ, что бодрствуетъ Алла,
И видятъ все Пророка очи —
Одинъ лишь ты во мракѣ ночи,
Иманъ-чудовище, не спишь,
Какъ тѣнь нечистая, скользишь,
Какъ духъ по улицѣ безмолвной,
Корысти гнусной, злобы полной —
Ты не Иманъ — а Вельзевулъ.

И вдругъ встревоженный Абдулъ,
Къ нему стучится кто-то, слышитъ
И за дверьми ужасно дышитъ
И дико воетъ и скрыпитъ
И хриплымъ гласомъ говоритъ:
»Абдулъ, Абдулъ! вставай скорѣе;
»Покинь твой страхъ — будь веселѣе;
»Твой гость пришелъ — твой другъ — и братъ: —
»Отдай назадъ, отдай мой кладъ;
»Узнай во мнѣ — Адрамелеха.« —
И снова грозный голосъ смѣха
И визгъ и скрежетъ роздались,
Крючки на двери потряслись,

Трещитъ она — валится съ гуломъ,
И предъ трепещущимъ Абдуломъ
Козелъ рыкающій предсталъ.
»Отдай мой кладъ! « онъ закричалъ,
»Отдай! « взревѣлъ громоподобно,
»Мнѣ было дать его угодно —
»И отниму его я вновь.
»Гдѣ, гнусный червь, твоя любовь
»И благодарность за услугу
»Мнѣ избавителю и другу?

. . . .

»Кому, о дерзостный! кому
»Дерзалъ ты жаркія моленья
»Въ пылу восторга и забвенья
»За тайный даръ мой приносить?

. . . .

»Куда, Адамовъ сынъ презрѣнный,
»Моей рукой обогащенный,
»Златыя груды ты сорилъ?
»Меня ли тратой ихъ почтилъ:
»Позналъ ли ты мірское счастье:
»Забавы, роскошь, сладострастье,
»Веселье буйное пировъ
»И плѣнъ заманчивыхъ грѣховъ?

»Ты не искалъ моей защиты;
»Пророкъ угрюмый и сердитый
»Тебѣ пріятнѣе меня —
»Тебѣ не нуженъ болѣ я.
»И такъ свершись предназначенье —
»Впади, какъ прежде въ униженье!
»Отдай мой даръ, отдай мой кладъ
»И будь готовъ за мною въ адъ!«
— О сильный духъ! о духъ жестокой! —
Вскричалъ Абдулъ въ тоскѣ глубокой,
Постой, постой! возьми твой кладъ,
Но страшенъ мнѣ, ужасенъ адъ. —

. . . .

. . . .

Иманъ, схвативъ скорѣй мѣшокъ
Лихимъ козломъ изъ дому скокъ:
Ему какъ пухъ златое бремя,
Какъ Архимедъ въ старинно время
Нашелъ! онъ радостно кричитъ
И безъ души домой бѣжитъ.
Примчался, кинулъ деньги въ сѣно
И сталъ изъ дьявольскаго плѣна
Свой грѣшный трупъ освобождать.
И такъ и сякъ — тянуть и рвать

Бѣсовъ лукавыхъ облаченье,
Нѣтъ. . . ни искусство, ни умѣнье,
Ни что ни мало не беретъ —
Козлина шерсть съ него не йдетъ;
Вертится, бѣсится, кружится,
Пытаетъ снять съ себя козла —
Нѣтъ силы. . . . кожа приросла.

Что дѣлать! бѣдный ты невѣжда!
Исчезла вся твоя надежда:
Сырое липнетъ на сухомъ —
А ты не слыхивалъ о томъ!
Когдабъ ты зналъ хотя не много,
Что запрещается престрого
Отъ Европейскихъ Докторовъ
(Отъ самыхъ свѣдущихъ головъ)
Не только въ шкуры кровяныя
И не совсѣмъ еще сухія
Влѣзать, какъ ты изволилъ влѣзть,
Но даже стать на нихъ, иль сѣсть —
Чему есть многіе причины,
(Которыхъ впрочемъ безъ Латыни
Тебѣ не можно разсказать),

То вѣрнобъ шкуру надѣвать
Тебѣ не вздумалось сырую ;
Теперь же плачь и вопи : вскую !

Реви , завистливый Иманъ ,
Кляни себя и свой обманъ ,
Терзайся , лей рѣкою слёзы ,
Твое лукавство и угрозы
Увлечь ограбленнаго въ адъ
Теперь тебя лишь тяготятъ ;
И шерсть козлиная съ тобою
Пребудетъ вѣкъ , какъ съ сатаною ,
Которой съ радостію злой
Теперь летаетъ надъ тобой.
»Иманъ , Иманъ !« тебѣ на ухо
Шипитъ ужасный голосъ духа,
Какъ шорохъ листьевъ иль змѣи ,
»Пріятныль цехины мои ?«
Напрасно , мучимый тоскою ,
Окованъ мощною рукою,
Бѣжишь въ обитель спящихъ женъ ;
Онѣ невинны : легкій сонъ
Смыкаетъ сладостно ихъ очи ,

Для нихъ отрадны тѣни ночи;
Въ душѣ ихъ царствуетъ покой.
Напрасно съ просьбой и мольбой,
Ты ожидаешь состраданья;
Твой гнусный видъ, твои рыданья,
Твои слова: я вашъ супругъ!
Какъ громомъ ихъ сразили вдругъ:
Испуга пагубнаго жертвы,
Онѣ упали полумертвы
При этихъ горестныхъ словахъ.
«Не мужъ явился къ намъ въ рогахъ,
Съ брадой и шерстію козлиной,
Но духъ подземный нечестивый,
Принявъ козла живаго видъ,
Его устами говоритъ.«

И крикъ дѣтей и женъ смятенье,
И въ домѣ страшное волненье,
И визгъ и вой: Алла, Алла!
И быстролетная молва
И рѣчи, сказки объ Иманѣ
И о смѣшномъ его кафтанѣ

Въ селеньи быстро разнеслись.
Гдѣ, гдѣ онъ? вопли раздались:
Кажите намъ сего урода!
И сонмы буйнаго народа
Къ нему нахлынули на дворъ.
Вотъ духъ нечистый! вотъ мой воръ! «
Кричалъ съ горящими глазами,
И угрожая кулаками
И внѣ себя Абдулъ Мелекъ.
»Отдай презрѣнный человѣкъ,
»Сей часъ мѣшокъ мой съ золотыми,
»Или я въ адъ тебя за ними
»Исчадье адово, пошлю:
»Отдай мнѣ собственность мою? «
— Абдулъ, Абдулъ! сказалъ несчастной:
Теперь я вижу, что напрасно
Не чтилъ Аллу я моего:
Правдиво мщеніе его!
Возьми твой кладъ — мнѣ бѣсъ лукавой
Вдохнулъ поступокъ мой неправой. —

»Теперь онъ болѣ не Иманъ;
Его на петлю, на арканъ!«

Кричалъ народъ ожесточенной.
Пускай во всѣ концы вселенной
Пройдетъ правдивая молва,
Что *такъ*, за гнусныя дѣла,
У насъ караютъ всѣхъ злодѣевъ.

. . . .

Ура! раздался общій крикъ,
Пророкъ божественный великъ!
Предъ нимъ не скрыты преступленья,
И грозенъ часъ его отмщенья!
Покинь, Абдулъ, покинь твой страхъ,
Иманъ и кладъ въ твоихъ рукахъ.

»Такъ награждаются обманы
»И козлоногіе Иманы!«
Абдулъ безжалостно твердилъ
И по селу его водилъ
Съ веревкой длинною на шеѣ.
Сюда скорѣй, сюда скорѣе!
Кричали зрители вокругъ,
И хилой дѣдушка и внукъ,
И старъ и молодъ собирались

Козлу смѣшному удивлялись
И тайно думали: » Алла!
Не дай намъ образа козла!«

Уже то время миновало,
Имана бѣднаго не стало,
Покрыла гробъ его ковыль;
Но неизгладимая быль
Живетъ въ преданьяхъ и разсказахъ,
И объ Имановыхъ проказахъ
Тамъ и доселѣ говорятъ
И дѣтямъ маленькимъ твердятъ:
»Дитя мое! не дѣлай злаго
»И не желай себѣ чужаго,
»Когда не хочешь быть козломъ:
»За зло вездѣ заплатятъ зломъ.
И въ часъ полночи молчаливой
Ребенокъ робкій и пугливой
Со страхомъ по полю бѣжитъ,
Гдѣ хладной прахъ его лежитъ.
И Мусульманинъ правовѣрной
Еще доселѣ суевѣрно

Готовъ пришельцу чуждыхъ странъ
Сказать , что мертвый ихъ Иманъ
Нерѣдко , вставъ изъ гроба , бродитъ
И крикомъ жалостнымъ наводитъ
Боязнь и трепетъ въ тѣхъ мѣстахъ ,
Что — страшно думать о козлахъ.

ДЕНЬ ВЪ МОСКВѢ.

Я дома. . . Боже мой, насилу вижу свѣтъ!
Мой милый, посмотри, въ умѣ я или нѣтъ?
Не видишь ли во мнѣ внезапной перемѣны?
Похожъ ли на себя?— Съ какой ужасной сцены
Сей часъ я ускользнулъ! . . Гдѣ былъ я, о Творецъ;
Я мукой заслужилъ страдальческій вѣнецъ!—
Нѣтъ, Сидоръ Карповичъ, покорнѣйшимъ слугою
Прошу меня считать; но, . . . въ домъ къ вамъ ни ногою—
Хотябъ вы умерли— не буду никогда.—
»Что сдѣлалось съ тобой?« — Бѣда, бѣда, бѣда!—
»Положимъ, что бѣда; но объяснись, какъ должно.«
Нѣтъ силъ пересказать, наказанъ я безбожно.

Послушай и суди: сего дня поутру
Самъ чертъ меня занесъ къ Mademoiselle
Тру — тру,
Извѣстной Жрицѣ модъ, торгующей духами,
Ликеромъ, шляпками и многими вещами,
О коихъ я судить ни мало не привыкъ
По правилу: держи на привязи языкъ.
Взялъ дюжину платковъ, матерій для жилетовъ
И, осмотрѣвъ милльонъ шнуровокъ и корсетовъ,
Заказанныхъ у ней почетнымъ щегольствомъ,
Хотѣлъ благодарить за ласки кошелькомъ;
Какъ вдругъ — предверіе блистательнаго храма
Звенитъ и хлопаетъ... Вуаль отброся, дама
Съ дѣвицей въ локонахъ вступаетъ въ магазейнъ,
И милости прошу: Баронша *Крепсенштейнъ*!
Взошла и началась ужасная тревога:
»Bon jour, ma chère! Ба, ба, скажите, ради Бога,
Ужели это вы, почтенный нашъ Сократъ?«
Онѣ, какъ сговорясь, вдругъ обѣ мнѣ пищатъ,
»Ахъ Боже мой! Вотъ смѣхъ, вотъ чудеса, вотъ странно!

Серьезный господинъ, который безпрестанно
Поноситъ женскій полъ и моды и весь свѣтъ,
Заѣхалъ къ Mademoiselle купить себѣ лор-
нетъ,
Колечко, медальонъ иль что нибудь такое.
И что же? на софѣ посиживаютъ двое.
Какъ будто о дѣлахъ приличный разговоръ
Ведутъ на единѣ! « Такой нелѣпый вздоръ,
Безстыдство матери и дочери въ огласку,
Невольно бросило меня сначала въ краску,
И я уже хотѣлъ почтенной Крепсенштейнъ
Сказать и пояснить: что если магазейнъ
Француженки Тру-тру слыветъ Палероялемъ,
То ей, окутанной огромнѣйшимъ вуалемъ,
Едваль несовѣстно съ дѣвицей пріѣзжать
Въ такой свободный домъ товары покупать.
Но быстро всѣ мои тяжелыя заботы
Пресѣкли новые Парижскіе капоты.
»Ахъ прелесть! Что за цвѣтъ! Прекраснѣй-
шій фасонъ!
А эти складочки, а этотъ капишонъ!...
Ахъ, маминька! Скорѣй, немедленно обновы.«
— Изволь, мой другъ, изволь! отвѣтъ, всегда
готовый,

Былъ дочкѣ радостной. — Баронша въ кошелекъ,
А кошелекъ, какъ пухъ, и тонокъ и легокъ.
»Смотрите— да онъ пустъ! — Баронша закричала, —
Ахъ мой Создатель! Какъ забывчива стала!
Безъ денегъ выѣзжать! А все заторопясь.
Mais à propos — ко мнѣ съ улыбкой обратясь,
Сказала дружески — я видѣла при входѣ,
Что есть у васъ большой бумажной курсъ въ разходѣ.
Прошу — отдайте ей за эти пустяки,
А завтра мы сочтемъ и прежніе долги.«
Что дѣлать мнѣ? Полѣзъ къ бумажнымъ кредиторамъ,
И въ знакъ почтенія къ уродливымъ узорамъ
Парижскихъ епанчей, три сотни заплатилъ.
За то мнѣ и хвала! Сказали: какъ онъ милъ!
Конечно, очень милъ — подумалъ я съ досадой,
И проклялъ магазейнъ со всей его помадой,
Чепцами, блондами, а болѣе всего
Съ гостями вѣчными Бароншами его.
Потомъ съ покупкою и книжкою карманной,

Довольно гибкою отъ встрѣчи нежеланной,
Я ѣхалъ отдохнуть въ досужный часъ домой.
Но вотъ Кремлевскій садъ пестрѣетъ предо мной.
Нельзя не погулять. Ѳома держи лѣвѣе,
Къ воротамъ. Стой! — и слѣзъ. — Иду большой алеей;
Любуюсь зеленью и пышностью цвѣтовъ;
Сажусь подъ арками. Тутъ запахъ пирожковъ,
Паштетовъ, соусовъ — приманка Сибарита —
Невольно моего коснулся аппетита.
Толпы зѣвакъ еще и Гастрономовъ нѣтъ, —
Подумалъ я, — велю подать себѣ котлетъ
И выпью рюмки двѣ хорошаго Донскаго.
Подумалъ — и взошелъ; велѣлъ — и все готово.
Но только сѣсть хотѣлъ — дверь настежъ — и Ословъ
Съ отборной партіей бульварныхъ молодцевъ —
Какъ водится всегда, охотниковъ до рома, —
Котлетъ, чужой жены и до чужаго дома, —
Ввалилъ прямёхонько въ ту комнату, гдѣ я
Готовилъ скромное занятье для себя.
»Любезнѣйшій мой другъ! Старинный мой пріятель!«

Вскричалъ, обнявъ меня, сей новой изтязатель.
»Здоровъ ли, живъ ли ты? Скажи, какой судьбой
Привелъ меня Господь увидѣться съ тобой?
Позволь, тебя всего сто разъ я поцѣлую!
Вотъ другъ мой, Господа! Мой другъ, рекомендую;
Прошу его любить: онъ все равно, что я.
А вамъ представлю ихъ, все добрые друзья.
Вотъ Князь Свистовъ, а вотъ поэтъ Артикропаловъ,
Сверчковъ, Бостонниковъ, Облизовъ и Пропаловъ.
Ей, ей, сердечно радъ! Знакомьтесь поскорѣй,
Мы время проведемъ, какъ можно веселѣй!«
И съ этимъ словомъ всѣ нахалы, пустомѣли,
Вертясь и кланяясь, вокругъ меня обсѣли.
Котлеты между тѣмъ свернулися въ желѣ
И лакомили мухъ покойно на столѣ.
Жестокая бѣда! — Но вотъ еще мученье!
Является паштетъ, огромное строенье,
Торжественный вѣнецъ искусства поваровъ,

Со свитой водокъ, винъ и влаги всѣхъ родовъ.
Почтеннѣйшій Ословъ, на откупъ взявъ желудки
Какъ истинный дѣлецъ, успѣлъ уже за сутки
Впередъ распорядить явленье пирога —
И снова я въ рукахъ могущаго врага!
Облизовъ, приступя къ рѣшительному бою,
Сразилъ чудовище искусстною рукою;
Огромный зѣвъ его на части раздѣлилъ,
И всякой съ лезвіемъ ко трупу приступилъ.
Припомни, какъ терзалъ Демьянъ сосѣда Ѳоку,
Какъ потчивалъ его безъ отдыха и сроку,
И градомъ потъ съ него, несчастнаго, бѣжалъ; —
Такъ точно и меня знакомецъ угощалъ
Безъ срока, отдыха и даже безъ оглядки!
»Да кушай, милой мой, вотъ ножка куропатки,
Цыплята, голуби и фаршъ и все тутъ есть:
Отвѣдай же, мой другъ, прошу тебя я въ честь.«
Хочу сказать что сытъ — не дастъ отвѣтить слова;
Лишь только я начну — и рюмка мнѣ готова.

Пей, пей, любезнѣйшій! Поменьше говори.
Что за Бордо, Сотернъ, Шампанское!
Смотри!
Да къ стати, доброй нашъ поэтъ Ахтикро-
паловъ,
Ты такъ запрятался межъ рюмокъ и бокаловъ,
Что мудрено тебя найти и съ фонарёмъ.
Отсвиснись-ка, мой другъ, какимъ нибудь
стишкомъ.
— Готовъ! — сказалъ поэтъ съ довольною
улыбкой,
Перстъ ко лбу — и въ ушахъ раздался голосъ
хриплой:

»Я съ удовольствіемъ сижу
Въ кругу друзей почтенныхъ,
И съ чистой радостью гляжу
На строй бутылокъ пѣнныхъ,
Которыхъ слезы, какъ хрусталь
Лазурный, бѣлый и румяный,
Кропятъ граненые стаканы —
И не откладывая въ даль
Запью послѣднюю печаль.«

Скончалъ Бутылка хлопъ—въ фіалѣ зашипѣло,
И, браво! какъ ядро изъ пушки, загремѣло.

»Списать стихи, списать! Вотъ истинный
Поэтъ!
Какъ скоро и легко! — Отличнѣйшій куплетъ!«
И вдругъ карандаши и книжки записныя
Посыпались на столъ въ хвалу и честь витіи.
А я... какъ думаешь? скорѣе шляпу, тросшь,
Да въ общей купермѣ, какъ запоздалый
гость,
Забывши заплатить за грѣшныя котлеты,
Которыя опять быть могутъ подогрѣты,
Бѣжать, да какъ бѣжать? безъ памяти,
безъ силъ
Нашелъ свой экипажъ, какъ бѣшеный вско-
чилъ.
Пошелъ Ѳома, пошелъ! — Скорѣе, ради
Бога!
Пусть тамъ о бѣглецѣ идетъ у нихъ тревога.
Уже двѣ улицы остались позади,
Я духъ переводилъ свободнѣе въ груди,
И только изрѣдка, исполненный боязни,
Погони ожидалъ. . . . .
Но всѣ несчастія, нарочно сговорясь,
Предъ домомъ Трефиной меня толкнули въ
грязь

Безъ всякой милости, съ Ѳомой, кабріоле-
томъ,
Журналомь Дамскихъ модъ и наконецъ пакетомъ
Матерій и платковъ Mademoiselle Тру-
тру.
Какъ Вакховъ гражданинъ, проснувшись
поутру
Невесело встаетъ съ услужливой постели,
Вставалъ изъ грязи я безъ плана и безъ цѣли.
Вдругъ тонкій голосокъ воздушною струей
Раздался надъ моей печальной головой:
»Вылъ это? Боже мой! какое приключенье!
Не сдѣлалось ли вамъ удара отъ паденья?
Вотъ люди, соль и спиртъ — они васъ укрѣ-
пятъ.
Прошу взойти на верхъ.« Я бросилъ том-
ный взглядъ
Въ воздушную страну, изъ коей мнѣ казалось,
Истекъ пріятный звукъ. И что же ока-
залось?
Особа *Трефиной* дородна и тучна,
Какъ на морѣ подъ часъ девятая волна,
Стояла на балконъ, небрежно опираясь.
Что было дѣлать мнѣ? — Неловчо извиняясь

Въ нечаянномъ грѣхѣ, Өому и фаэтонъ
Отправилъ я домой, а самъ безъ оборонъ
Отъ выдумокъ судьбы жестокой и нахальной,
Повлекся къ лѣстницѣ парадной машинально.
Чѣмъ встрѣтили меня — не трудно угадать.
Ни силъ я не имѣлъ, ни время отвѣчать.
Напала на меня вся дамская эскадра;
Вопросы сыпались, какъ съ Ерзырума ядра.
Богъ знаетъ, до чего бъ ихъ штурмъ меня довелъ;
Но тѣмъ окончилось, что подали на столъ.
Хвала на этотъ разъ уставамъ просвѣщенья.
У Трефиной я былъ избавленъ принужденья:
Сказалъ, что не хочу, и дѣло рѣшено.
Сиди, кури табакъ — хозяйкѣ все равно.
Столъ начатъ хорошо: особы двѣ крестились,
Потомъ, какъ водится, сперва разговорились
О важномъ, на примѣръ: . . . .
. . . . что будто Секретарь
Такого-то Суда за рубль лишился мѣста
И за мужъ за судью идетъ его невѣста.
Потомъ, на полутонъ понизя разговоръ,
Коснулись ближняго. Какой нибудь узоръ

Подола *Мотовой* въ прошедшее собранье
Успѣлъ пріобрѣсти всеобщее вниманье.
Инаго съ головы размѣрили до ногъ,
И всякой говорилъ, что думалъ и что могъ.
Пріѣзжій между тѣмъ господчикъ изъ Калуги
Дѣвицѣ Трефиной оказывалъ услуги:
Брался ей косточку разрѣзать съ мозжечкомъ,
И многое шепталъ, какъ кажется, о томъ.

Но, какъ бы ни было, столъ кончился исправно.
Я время проводилъ ни скучно, ни забавно.
Десертъ и кофе шли своею чередой,
И я доволенъ былъ обѣдомъ и собой.
Но вотъ, что повторю: осмѣй мое сознанье,
А вѣра въ дьяволовъ имѣетъ основанье.
Съ измала вѣрить имъ отъ нянекъ я привыкъ
И послѣ опытомъ ту истину постигъ.
Есть дьяволы — никто меня не переспоритъ.
Не мы, а сѣмя ихъ кутитъ, мутитъ и вздоритъ.

Они, проклятые, безъ тѣла и безъ лицъ,
Влѣзаютъ въ мужиковъ и женщинъ и дѣвицъ;
Сидятъ въ нихъ, къ пакостямъ, страстямъ, порокамъ клонятъ

И, разъ на шею сѣвъ, въ открытый гробъ
загонятъ.
Старинный Ариманъ и новый падшій духъ
Едва ли не живутъ и давятъ насъ какъ мухъ?
Мнѣ думать хочется, что это не пустое.
А впрочемъ вотъ тому свидѣтельство
живое:
Дѣвица Фольгина по просьбѣ двухъ шмѣлей,
Которые на шагъ не отходя отъ ней,
Точили на заказъ безбожно каламбуры,
Разыгрывала имъ открывокъ увертюры
Изъ Оперы Калифъ; потомъ переходя
Отъ аріи къ рондо, нѣжнѣе соловья,
Томнѣе горлицы прелестнымъ голосочкомъ
Пропѣла пѣсню: *Разъ весною подъ кусточкомъ*,
И прочая.... Игра и пѣніе вокругъ
Сирены Фольгиной собрали знатный кругъ;
Дивились, хлопали, хвалили, разсуждали
И чудомъ изъ пѣвицъ торжественно назвали.
Одинъ изъ сказанныхъ услужливыхъ господъ
Приходитъ внѣ себя, какъ оберъ-франтъ
и мотъ,
Скользя подходитъ къ ней съ улыбкой чи-
чизбея.

»Позвольте, говоритъ, божественная Фея!
Устами смертнаго коснуться вашихъ рукъ.
Меня очаровалъ непостижимый звукъ,
Произведенный ихъ летучими перстами.«
Съ симъ словомъ подлетѣлъ и страстными губами
Хотѣлъ восторгъ любви рукѣ ея принесть.
Она, заторопясь наѣзднику присѣсть,
Нечаянно ногой за кресла зацѣпила
И франта на паркѣ съ собою уронила.
»Ай! Ахъ!« какъ водится; но дѣло ужь не въ томъ,
Закрывъ лице и грудь, горящія стыдомъ,
Какъ серна бросилась въ другую половину;
А ловкій петиметръ, прелестную картину
Увидя и другимъ немножко показавъ,
Поднялся охая, какъ будто онъ и правъ.
Что было слѣдствіемъ?— никто меня не спроситъ:
Кто нюхаетъ табакъ, кто лимонаду проситъ,
Кто сожалѣетъ въ слухъ и очень радъ тайкомъ,

Кто обтирается батистовымъ платкомъ
И далѣе. Межь тѣмъ отецъ и мать пѣвицы,
Разгладя не хотя наморщенныя лицы,
Карету — и съ двора. Я тоже замышлялъ,
Но Сидоръ Карповичь тревогу прокричалъ:
»Куда, куда и вы?.. Гей, люди! повелѣнье:
Вотъ, шляпа вамъ и тростъ — убрать на со-
хранeнье!
Ни шагу изъ дому, ни капли воли нѣтъ.
Вы партію женѣ составите въ пикетъ,
Бостончикъ или вистъ. Два столика готовы —
Прошу не отказать; не будьте такъ су-
ровы!«
Засѣлъ я не хотя, смертельно не любя
Для прихоти другихъ женировать себя.
Проходитъ часъ и два—намъ дѣла нѣтъ не мало:
Сражаемся и всё!.. Мнѣ даже дурно стало!
Викомтъ *Дела-клю-клю*, Парижскій патріотъ,
Оставя въ Франціи жену и эшафотъ,
Чтобъ быть учителемъ у Русскихъ Самоѣдовъ,
По счастью былъ тогда изъ близкихъ мнѣ
сосѣдовъ.
Vicomte, prenez ma place, сказалъ я обра-
тясь.

«Bon, bon!» онъ отвѣчалъ. И я перекрестясь,
Но только вѣрно ужь неявно и наружно,
Пошелъ изъ за стола разсѣять мигъ досужный.
Послушай, что теперь случилося со мной,
И вѣрь, что всѣ дѣла текутъ не сатаной!
Въ изходѣ одного большаго корридора
Вдругъ слышится мнѣ смѣхъ и шопотъ разговора.
Подслушать тайну — есть позорная черта,
Вдали остановясь, подумалъ я тогда.
Быть можетъ черезъ то я много потеряю....
Но ч... меня возьми! Я точно различаю
Дѣвичьи голоса. Подслушаю секретъ.
Подрался и взошелъ въ ближайшій кабинетъ.
Вотъ тайный разговоръ отъ слова и до слова:

ДѢВИЦА 1-я.

Да знаешь ли ты, чѣмъ Анета нездорова?

2-я.

Не ужели уланъ?...

1-я.

Ужь знаетъ вся Москва!...
Прошу покорнѣйше! .. Но только онъ едва
Останется въ глупцахъ.

2-я.

О это вѣроятно!...
А впрочемъ, милая, кокой мущина статной!

1-я.

Не Сонинъ.

2-я.

Ха, ха, ха! Я думаю наскучилъ!

1-я.

Пустою нѣжностью въ два мѣсяца измучилъ!
Ахъ, что за фалилей! Въ отставку! ..
со двора! ..

2-я.

Налетовъ, Камеръ-пажъ... Ma chère, убей
бобра.

1-я.

Et vos affaires?

2-я.

Hélas! сказать тебѣ не смѣю!

1-я.

Забавно! До сихъ поръ?..

2-я.

Онъ слѣпъ, а я робѣю!

2-я.

Кто этотъ въ парикѣ, осанистой брюнетъ,
Играетъ съ Трефиной такъ счастливо въ пикетъ?
Не знаешь ты его? Онъ мастерски играетъ.
Но, Трефина, повѣрь, не много потеряетъ,
Хотя бъ онъ на неё сто тысячь записалъ.

2-я.

Какъ? что? онъ на ногѣ?..

2-я.

Контрактъ ужь подписалъ:
Что выиграетъ тузъ, тѣмъ пользуется
дама.

1-я.

Fi donc! такъ нагло жить и не бояться
страма!
А этотъ пасмурный и скучный кавалеръ,
Разбитый лошадьми, точь въ точь, какъ
grande misère, —
Изъ двухъ: или влюбленъ, или глупецъ тя-
желый!

2-я.

Тсъ!.. кажется, идутъ!.. Оправимся,
пойдемъ!..

Каковъ былъ разговоръ! Что думаешь о
немъ? —
А въ заключеніе, какъ выражено внятно:
Влюбленъ или глупецъ!... Не правда ли пріятно?
А дѣлать нечего: наука для ушей.

Не даромъ говорятъ, есть кошки для мышей.
И такъ оправившись, какъ скромныя дѣвицы,
Вернулся я опять въ клобъ новостей столицы.

Вхожу — и вижу тамъ всезнаекъ дорогихъ
Вкругу ихъ маминекъ и тетинекъ сѣдыхъ.
Онѣ уже опять и кротко и невинно,
Какъ куколки, сидятъ въ бесѣдѣ благочинной;
И только изрѣдка кивая головой —
Дивуются вранью разкащицы одной.
Я долго не спускалъ изъ подшишка ихъ съ глазу;
Но вдругъ: » отъ сорока и восемдесять мазу«...
Раздалося въ углу. И что же? Мой брюнетъ,
(Что нынѣ на ногѣ) огромнѣйшій пакетъ
Имѣя предъ собой наличныхъ ассигнацій,
Оставя козырей къ услугамъ древнихъ грацій —
Какъ бѣсъ, пунтируетъ съ какимъ-то толстякомъ.
Что разъ, то » attendez! « то транспортъ, то съ угломъ!..
Толстякъ уже пыхтитъ, лице краснѣе рака;
А всё задорнѣе заманчивая драка!

Но наконецъ нѣтъ силъ!..« Нельзяль перемѣнить?
Прошу мечите вы!.. Хоть карту бы убить!..«
Ни слова вопреки — серьёзно, равнодушно,
Колоды обмѣнилъ злодѣй его послушной
И мечетъ. Первая убита толстякомъ;
Вторая — также. Тузъ и дама пикъ съ угломъ
Убиты. Карты въ тосъ. Толстякъ свободнѣй дышетъ.
Другая талія — толстякъ беретъ и пишетъ.
»Тьфу счастіе!« ворчитъ съ досадою брюнетъ
И съ мѣста пересѣлъ. »Пять сотъ рублей валетъ!«.
Вспотѣвшая рука банкера задрожала...
Ждутъ оба... карты нѣтъ.. идетъ — направо пала!..
»На силу!.. онъ опять!.. проклятое плюе!..
Онъ и отыгрывать! Скажите сряду двѣ
И три!.. опять идетъ!« Признаться, эта сцена —
Игры и счастія слѣпая перемѣна,
Невольно и меня влекли въ среду толпы

Зевакъ, которые, недвижны какъ столпы,
У стульевъ игроковъ розиня ротъ стояли
И съ нетерпѣніемъ конца задачи ждали.
Понтеръ не сводитъ глазъ; торопится брю-
нетъ —
И вдругъ четвертый разъ на правую валетъ:
»Фальшь!« толстой закричалъ. »Вотъ скра-
деная карта!«
Хватаетъ за рукавъ, и съ перваго озарта
Съ размаха бацъ его колодою въ високъ!..
Банкеръ встаетъ; но стулъ какъ разъ сби-
ваетъ съ ногъ.
Кровь брызжетъ. Деньги, столъ, мѣлъ, щетки,
два стакана
Летятъ за нимъ во слѣдъ безъ цѣли и безъ
плана.
»Убійство! караулъ! спасите!« раздалось —
И все собраніе рѣкою разлилось!
»Гей, люди, кучера! солопы и кареты!«
Бѣгутъ по лѣстницѣ, едва полуодѣты,
Тѣснятся, падаютъ, толкаются, пищатъ
И мигомъ опустѣлъ плачевный маскерадъ.
Я... Боже упаси свидѣтельственной роли!
И что мудренаго? Боясь такой же доли,

Хоть съ роду не бывалъ картежнымъ подлецомъ,
Схватя чужой картузъ, скорѣй оттоль бѣгомъ.
Зову извощика; скачу какъ изъ Содома,
И вотъ, какъ видишь самъ, сей часъ лишь только дома!..
Петрушка! гдѣ халатъ? Сними скорѣе фракъ,
Оправь мою постель, дай трубку и табакъ,
Гостей не принимать — гони ихъ, бей, коль можно —
И убирайся самъ — я золъ теперь безбожно!

КРЕДИТОРЫ.

Что дѣлать мнѣ отъ кредиторовъ?
Они замучили меня!
Отъ ихъ преслѣдующихъ взоровъ
Хоть бросься въ воду изъ огня!
Пугаясь встрѣчи ихъ накладной,
Вездѣ я бѣгаю какъ воръ.
Но, Боже мой, какъ не досадно:
Гдѣ ни ступи — всё кредиторъ!
Какъ саранча, какъ ополченья
Тѣней, лишенныхъ погребенья,
Вокругъ Харановой ладьи —
Толпятся вкругъ меня стадами
Съ своими жадными руками
Враги-мучители мои!
Какъ на трепещущее тѣло
Въ степи упавшаго быка

Глядитъ толпа воронья смѣло,
Алкая жданаго куска,
Такъ мнѣ глядятъ они въ глаза
Съ ландшафтомъ харь и выраженья
Досады, злости, нетерпѣнья,
Притворной ласки, и слѣдятъ
Меня какъ рыбу или кладъ!
»Когда же? скоро ли? да что же?
»Намъ деньги нужны — вѣдь пора.
»Легко ли ждали мы!« о Боже!
Хоть отрекайся отъ двора!
Имъ деньги надобны? вотъ повѣсть:
Кому жь ненадобны они?
Сошлюсь на чью хотите совѣсть.
Я вновь бы занялъ сотни три,
Да что жь, когда никто не вѣритъ,
А только требуютъ уплатъ; —
Тутъ и. . . . . залицемѣритъ
Какъ за грѣхи потянутъ въ адъ!
»Какъ быть, любезные, терпите! —
Заимодавцамъ мой отвѣтъ —
»Въ другое время приходите,
»Теперь, ей ей, ни гроша нѣтъ!«
Отпѣвши такъ серьёзнымъ тономъ

Иль добрый день иль добра ночь —
И кто съ упрекомъ, кто съ поклономъ
Они идутъ лѣниво прочь.
Что жь други? честность несомнѣнно
Въ странѣ подсолнечной нужна;
Но, признаюсь вамъ откровенно,
Нужда ужасна и сильна!
Не всякой выгодно повздоритъ
Съ негодной фуріей нуждой,
За словомъ дѣло — переспоритъ,
Хоть будь волшебникъ непустой!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Скажу короче: благороденъ,

. . . .
. . . .

Богатъ, покоенъ и свободенъ;
Кто обстоятельствамъ не рабъ,
Кто самъ больной и Эскулапъ!..
Но тотъ, кого судьба отъ скуки
Согнуть изволитъ въ три дуги,
Хоть будь самъ чертъ, да пусты руки,

Безъ покровительствъ и поруки, —
Тотъ носъ и уши береги!
Бывалъ и я когда то въ свѣтѣ,
Кой что перѣдко замѣчалъ —
И что жь осталось на примѣтѣ?
Немного чести я видалъ!
Случалось вскользь видать въ прихожей,
Или на рынкѣ гдѣ нибудь;
Но всё, съ такой дурною рожей,
Что даже страшно и взглянуть!
А у вельможъ, господъ чиновныхъ,
Военныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ,
. . . .
. . . .
. . . . . . Въ . . . . . .
Картежныхъ клобахъ и парадахъ
Они являются безъ ней!
А что того еще смѣшнѣй, —
Они, съ богатствомъ и чинами,
Живутъ одними лишь долгами,
И видѣлъ я издалека,
Что отъ долговъ иные бары,
Хотя толсты какъ самовары,
Но вмѣстѣ тоньше волоска

И легче перушка Гагары!
Ихъ очень много — перечесть
За трудъ излишній почитаю,
Но вотъ о чемъ васъ вопрошаю:
Куда жь они зарыли честь?
Смотрите: Н.*** спѣшитъ къ обѣду,
Въ лондо разлегшись щегелькомъ;
И вотъ, оставивши бесѣду,
Домой торопится пѣшкомъ!
Карета, лошади, лакеи
Исчезли вдругъ какъ чародѣи —
Онъ конфискованъ за долги. . .
И. . . здѣсь-то честь побереги!...
Спокойно лежа на диванѣ,
Съ хорошей трубкой табаку,
Имѣя тысячь сто въ карманѣ —
Да не полтинника въ долгу —
Конечно намъ о благородствѣ
Легко судить и разсуждать
И всѣхъ нечестныхъ осуждать.
Но при большомъ недоброхотствѣ
Слѣпой фортуны мудрено
Сказать, что бѣдность и раздолье,
Квасъ и Шампанское, подполье

И пышный замокъ — всё равно!
Привычка къ старому невольно
Банкрота мучитъ и крушитъ,
И превратиться въ Ира больно
Тому, кто жилъ какъ Сибаритъ.
Что жь дѣлать въ морѣ отъ ненастья?—
Искусной правитъ у кормы.
Чѣмъ замѣнить, потерю счастья? —
Искусно деньги брать въ займы.
»Но брать въ займы, такъ брать съ отдачей,«
Рычитъ кредиторскій подъячій,
»На это есть свои права.«
О, золотая голова!
Давай лишь денегъ намъ поболѣ,
Подъ роспись или подъ закладъ
(Чему не всякой впрочемъ радъ),
А тамъ въ твоей, пожалуй, волѣ
По сроку требовать назадъ.
Греми, великій мужъ, протестомъ
И аппеляцій не забудь;
Коль нужно будетъ, то присѣстомъ
Махни по формѣ въ Земскій Судъ,
И налѣпи на просьбѣ въ пудъ
Печать свинцовой гирей съ тѣстомъ.

А мы, червонные твои
Межъ тѣмъ на мѣлочь размѣняемъ.
И труся грознаго судьи,
Кой-гдѣ межъ водкою и чаемъ,
. . . .
Когда жь, до мѣднаго рубля
Съѣдимъ, убьёмъ и протранжиримъ,
То совѣсть бережно храня,
Тебѣ жь его на зубы кинемъ
И будемъ вновь тебя просить,
Нельзя ли вновь насъ одолжить?
Богатъ я, милый, — вотъ проценты
Изволь и съ суммой получить.
Безъ денегъ — другъ мой, документы
Храни, что бъ всё не упустить!
Росписка, вексель — деньги то же.
А если — вздоръ! но отъ чего
Межъ тѣмъ избави тебя Боже! —
Въ уплату рвенья твоего
Ты не получишь ни чего.
То, укрѣпись по философски,
Судомъ раздѣлки не проси
И, какъ процентщикъ, по геройски
Пустой урокъ перенеси!

Зачѣмъ срамить себя безславно?
Припомни только безъ хлопотъ
Панглоса мудраго расчетъ:
Онъ доказалъ и очень явно,
Что зло съ добромъ въ связи издавна
И всё здѣсь къ лучшему идётъ!
Такъ что жь печальною мечтою
Тревожить робкіе умы?
Перо съ бумагой предо мною —
Давайте денегъ мнѣ въ займы.
А васъ, старинные знакомцы,
Прошу мнѣ въ уши не жужжать
И знать потверже, что червонцы
Сходнѣе брать, чѣмъ отдавать.
Отдамъ, отдамъ и вамъ, повѣрьте;
Но, ради Бога, въ кругъ меня
Безъ шабаша не лицемѣрьте,
Дождитесь радостнаго дня!
Вотъ мы поправимся немного,
Свалимъ огромные грѣхи
И не всегда невѣжды строго
Судить насъ будутъ за долги,
Какъ нынѣ судятъ за стихи.
Прощайте! — Охъ, какъ будто спало

Теперь на сердцѣ веселѣй;
Авось мучителей, хоть мало,
Я тронулъ логикой своей!

ЧУДАКЪ.

Дорогой въ градъ первопрестольной,
Часа въ четыре поутру,
Игрой судьбины самовольной,
Къ ямскому сонному двору
Примчались быстро другъ за другомъ
Двѣ тройки и карета цугомъ.
Уланъ, красавецъ и корнетъ,
Мущина въ фракѣ, среднихъ лѣтъ
И барышня свѣжѣе розы,
Съ служанкой сивой, какъ морозы,
Выходятъ — входятъ, и гей, гей!
Давайте чаю поскорѣй!
Читатель! вѣрно вамъ знакомы
Неугомонные содомы
Неугомонныхъ ямщиковъ,
И такъ, оставя кучеровъ,

И слугъ вертѣться возлѣ сѣна
И воевать за рубль промѣна,
Посмотримъ лучше на свою
Разнообразную семью.
Облокотяся нерадиво
На столъ, дѣвица молчаливо
Сидитъ за чайникомъ своимъ;
Уланъ, съ искусствомъ щегольскимъ
Играя перстнемъ и часами,
Въ карманъ не лѣзитъ за словами,
И, какъ учтивый кавалеръ,
Желаетъ знать всё, на примѣръ:
Кто такова она? откуда?
Какъ имя ей? Мими, Земруда,
Или подобное тому?
Находитъ въ ней достоинствъ тьму;
Обворожёнъ ея румянцемъ,
Дивится въ слухъ прелестнымъ пальцамъ,
А въ тайнѣ ножкѣ; да притомъ
Онъ мыслитъ также о другомъ.
Невольно барышня краснѣетъ,
Но онъ ни мало не робѣетъ,
Осаду правильно ведётъ
И смѣло въ чашку рому льётъ.

Другая рѣзкая картина:
Во фракѣ среднихъ лѣтъ мущина,
Качая важно головой,
Какъ будто занятый большой
Алгебраической повѣркой,
Съ полуоткрытой табакеркой
И весь засыпанъ табакомъ,
Ходилъ задумчиво кругомъ.
Вдругъ скуча долгимъ размышленьемъ,
Подходитъ къ барышнѣ съ почтеньемъ
И предлагаетъ ей: чего? —
Понюхать. Барышня его
Глазами мѣритъ съ удивленьемъ,
И отвѣчаетъ съ наклоненьемъ:
»Покорно васъ благодарю:
Не нюхаю и не курю.«
Въ отвѣтъ ни слова — хладнокровно
Отходитъ прочь сопутникъ скромной.
Минуты двѣ спустя потомъ
Вновь угощаетъ табакомъ:
»Прошу понюхать!« — Я сказала,
Смутясь дѣвица отвѣчала,
Что я не нюхаю. — Уланъ,
Поставя выпитой стаканъ,

Взглянулъ скосясь на господина;
Но беззаботливая мина
Въ широкомъ фракѣ чудака
Смягчила гнѣвъ его слегка.
Пуншъ снова налитъ; всё какъ прежде.
Но непонятному невѣждѣ
Неймется: барышнѣ опять
Идётъ табакъ свой предлагать.
»Прошу понюхать.« — Градомъ слёзы
Кропятъ ланитъ прелестныхъ розы.
— Что вамъ угодно отъ меня?
Вскричала жалостно она,
Подите дальше ради Бога! —
»Опять! ужь это слишкомъ много!
Вскричалъ значительно Уланъ.
»Вы наглы сударь, вы буянъ!
Прошу раздѣлаться съ корнетомъ
За наглость дамѣ пистолетомъ.«
— Зачѣмъ не такъ: я очень радъ. —
Готовы пули. Идутъ въ садъ;
Курки на вздохахъ — бацъ! Съ корнета
Летитъ долой полъ-эполета;
Соперникъ живъ, безъ картуза.
Глядятъ розиня ротъ въ глаза

Другъ другу храбрые герои ;
Потомъ сближаются — и двое
Вдругъ составляютъ одного !
Ура ! — и больше ничего.
На столъ являются бутылки.
Уланъ, въ движеньяхъ гнѣва пылкій,
Былъ въ дружбѣ также щекотливъ.
Въ карманной книжкѣ начертивъ
Свой полный адресъ въ память другу,
Пожалъ ему усердно руку,
Два раза въ лобъ поцѣловалъ,
И въ ближній городъ поскакалъ.
А барышня? И други! прежде,
Пока забавному невѣждѣ
Защитникъ скромности, корнетъ,
Далъ въ руку смертный пистолетъ,
Она, съ досады и испуга,
Недождалась другаго цуга
И кое какъ на четвернѣ
Съ двора сверкнула въ тишинѣ;
А нашъ чудакъ съ серьезной маской
Теперь одинъ въ кибиткѣ тряской
Летитъ дорогой столбовой —
На встрѣчи новыя и бой.

И точно: вдругъ въ глуши крапивной
Онъ слышитъ стонъ и вопль разрывной
И колокольчикъ въ сторонѣ.
Кинжалъ и сабля на ремнѣ,
Ружьё съ картечью у лакея, —
Чего бояться? Не робѣя
Летитъ крапивою на стонъ —
И что жь, кого встрѣчаетъ онъ?
Два мужика, одинъ съ дубиной,
Съ звѣроподобной образиной,
За возжи держитъ лошадей
Несчастной барышни моей;
А кучеръ съ старою служанкой
Лежатъ бездушною вязанкой,
Опутаны безъ рукъ и ногъ
Веревкой вдоль и поперегъ.
О Боже! стой! вскричалъ онъ внятно.
Вооруженный сбруей ратной,
Спѣшитъ къ красавицѣ. Кинжалъ
Съ ружьемъ и саблей заблисталъ.
Злодѣи въ бѣгство. «Вы свободны!«
Гласитъ ей витязь благородный.
Пошло всё прежнимъ чередомъ,
И онъ — въ каретѣ съ ней вдвоемъ,

Какъ другъ и ангелъ охранитель.
»Чѣмъ заплачу вамъ, мой спаситель?«
Твердитъ дѣвица чудаку.
— Прошу понюхать табаку! —
А послѣ? Что болтать пустое?
Они въ Москву явились двое,
Смѣялись, думали; потомъ
Накрылъ священникъ ихъ вѣнцомъ.
Потомъ всё горе позабыли,
Гуляли, спали, ѣли, пили —
И приучившись къ чудаку,
Она привыкла къ табаку.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечат.			*Читай.*
Стран.	Строч.		
86	3	когдаже	когда же
96	20	Непомеркая	Не померкая
97	15	косы,	косы
142	1	плавца	пловца
198	3	ставкѣ	станѣ
232	15	Абдуль	Абдулъ

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ:

41	3	вдугъ	вдругъ
212	6	другъ этажный	двухъ-этажный

